

ПРОЕКТ ДМИТРИЯ ГЛУХОВСКОГО

ВСЕЛЕННАЯ
МЕТРО
2033

ТАТЬЯНА ЖИВОВА

ПАСЫНКИ ТРЕТЬЕГО РИМА

FUTURE CORP.

Метро

Татьяна Живова

**Метро 2033: Пасынки
Третьего Рима**

«АСТ»

2017

УДК 821.162.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Живова Т.

Метро 2033: Пасынки Третьего Рима / Т. Живова — «АСТ»,
2017 — (Метро)

ISBN 978-5-17-104037-6

«Метро 2033» — Дмитрия Глуховского — культовый фантастический роман, самая обсуждаемая российская книга последних лет. Тираж — полмиллиона, переводы на десятки языков плюс грандиозная компьютерная игра! Эта постапокалиптическая история вдохновила целую плеяду современных писателей, и теперь они вместе создают Вселенную «Метро 2033», серию книг по мотивам знаменитого романа. Герои этих новых историй наконец-то выйдут за пределы Московского метро. Их приключения на поверхности на Земле, почти уничтоженной ядерной войной, превосходят все ожидания. Теперь борьба за выживание человечества будет вестись повсюду! Когда один твой близкий человек покидает этот мир, а другой тебя и знать не желает, впору решить, что хуже, чем теперь, вряд ли будет. Однако судьба, словно желая добить, подкидывает новые испытания. Внезапный плен, рабство, арена, клетки с чудовищами... Полные брезгливости и неприязни взгляды, направленные со всех сторон... А тебе — всего пятнадцать лет, ты — затерянный в чужом и враждебном тебе Большом Метро «экзотический» раб-мутант из племени скавенов. И сейчас твоя важнейшая задача — не только самому вырваться из неволи, но и вытащить оттуда единственного среди «чистых» людей друга. Что ты предпримешь, Марк, сын Хмары из Алтуфьева? Ведь здесь ты — всего лишь раб-смертник, и времени у тебя — все меньше, а возможностей — вообще никаких. Но... Ave, Третий Рим, обречённые на смерть приветствуют тебя!

УДК 821.162.1-312.9

ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-104037-6

© Живова Т., 2017

© АСТ, 2017

Содержание

Что наша жизнь? Борьба! Объяснительная записка Вадима Чекунова	7
Пролог	9
Глава 1. О'Хмара из Алтуфьево	12
Глава 2. Сор-гора	18
Глава 3. Жизнь за МКАДом	25
Глава 4. Жизнь совсем за МКАДом	32
Глава 5. Морра	37
Глава 6. Осуществляя задуманное	43
Глава 7. Трэш-сити	48
Глава 8. Мама	52
Глава 9. «Меня зовут Костя!»	59
Глава 10. Юные саботажники	66
Конец ознакомительного фрагмента.	69

Татьяна Живова

Метро 2033: Пасынки Третьего Рима

© Д. А. Глуховский, 2017

© Т. В. Живова, 2017

© ООО «Издательство АСТ», 2017

* * *

Что наша жизнь? Борьба! Объяснительная записка Вадима Чекунова

Узнав, что в новой книге Татьяны Живовой будут гладиаторские бои, я поначалу ухмыльнулся. Ну, в самом деле, что может женщина об этом знать? Чем она удивит читателя-мужчину, о чем поведает ему? А потом вспомнил вот что.

Давным-давно, дождливым и кислым летом, таким же, что и нынешнее, сидел я на летних каникулах на даче с бабушкой. Это было огорчительно: взрослый практически мужчина, а вот так сложилась судьба – скука и бабушкин надзор. Электричество все время вырубалось, так что телевизор особо не посмотришь. Из всех развлечений – книжка автора со странной фамилией Ян про восстание Спартака, да беготня от злых деревенских. Те повадились нас, пацанов-дачников, отлавливать возле пруда, где мы рыбачили, и лупить всем скопом. Обычное дело – все та же тягучая скука плюс врожденная неприязнь к городским. Но это я сейчас понимаю, а тогда мне, пятикласснику, и приятелям моим, Пеке и Гудрону, было тяжело. На синяки и ссадины мы внимания особо не обращали, в отличие от наших бабушек. А вот свобода передвижения страдала, и это сильно омрачало вольнолюбивый дух. После очередного полученного «фингала» нас обещали остаток лета продержат взаперти на участках, а это никуда не годилось. Решено было дать ответный бой. Сломить врагу хребет. Из забора полузаброшенного участка возле леса мы выломали несколько штакетов. Полюбовались на торчавшие из них черные и кривые гвозди, выпрямили их, как смогли, и спрятали оружие в кустах возле оврага. В нем, по договоренности с деревенскими, должен был состояться решающий «махач». Врагов было в два раза больше, и были они крепки, сплочены и суровы. Решено было брать их на испуг: стремительно сбежать со склона и начать бить всех без разбора. «Главное, – авторитетно заявил тощий веснушчатый Пека, – если гвоздь в башке или мясе застрянет, успеть выдернуть и добавить!» Флегматичный Гудрон солидно кивал, будто только и делал раньше, что пускал кровяку врагам. Мандражировал лишь я. Одно дело читать про сражения в книжке, пусть и полной дивных слов: «когорта», «сестерции», «патриции», «ланиста», «легионеры»... Другое – лупить серой и занозистой доской, да еще с хищным гвоздем на конце, по морде, хотя бы и деревенской...

В ночь перед сражением я долго не мог заснуть. Спали мы с бабушкой в одной комнате, где стоял обогреватель – начало августа, но с темнотой уже наступали почти осенние холода. Окна бабушка на ночь всегда закрывала на щеколды, а под кроватью у нее лежал арсенал: молоток, садовая тяпка с короткой ручкой и потемневший от времени серп. «Зачем так много?» – спросил я бабушку перед сном. «Как это?! – удивилась бабушка. – А полезет если кто в окно, ухватится за подоконник? По пальцам молотком дам. А не отпустит – так тяпкой добавлю, тогда уж нечем будет хвататься...» – «Ну, а серпом?» – пораженный деловитым хладнокровием бабушки, выдохнул я. «А это для самого упрямого. Это уж я тогда серпом голову отчекрыжу такому», – спокойно пояснила она и вскоре безмятежно захрапела. Под бабушкины рулады я лежал и дивился ее обстоятельности в деле истребления злодеев. Впрочем, бабушка прошла войну, а после нее работала на мясокомбинате, где из простой работницы стала начальником разделочного цеха. То есть разбиралась в проблеме. Потом заснул и я, убежденный, что завтра не оплошаю и сокрошу неприятеля.

Так что, дорогие друзья, женщины еще как могут удивить и вдохновить! И, как показывает жизнь, кое-чего понимают в ней, в жизни этой. И даже умеют отображать свое понимание в художественных текстах. Татьяна Живова точно умеет. Когда прочитаете «Пасынков Третьего Рима» – убедитесь сами.

Ах, да, насчет того сражения. Оно состоялось, но... Гудрона не выпустила с участка его бабка. А Пеку и меня деревенские так отдубасили, что нас обоих родители увезли в Москву. Причем Пеке еще повезло, он сумел в какой-то момент вырваться и убежать, а меня подвела штакетина – я запнулся о нее, рухнул и скатился под ноги ликующего противника... Не только победами увенчан наш путь.

Но это и есть жизнь.

*Сталкеробанде и другим жителям форума-станции Улица 1905
года портала «Метро-2033»*

Пролог

Станция Алтуфьево, март 2017 года

– Хо, парни, гляньте – Хмара себе бабу добыл! Ай, Хмара, ай, мужик!

Толпа обитателей Алтухов с хохотом и веселыми подначками окружила только что вернувшегося с поверхности молодого охотника. За его плечами горбился объемистый заиндевший сверток из свежесодранной звериной шкуры. В свертке ждала своего часа разделанная на куски тушка бывшего обладателя этой самой шкуры.

У ног охотника съежилась, бросая исподлбья испуганно-ненавидящие взгляды, поджарая девчонка лет семнадцати в живописном, как говорили до Удара, «техногенном рванье». Одежда ее, а также короткие волосы темно-рыжего цвета были почему-то в снегу, а в спутанных и всклокоченных прядях виднелись сухие листочки и хвоя.

– Хороша-а-а! – протянул кто-то, оглядев добычу охотника. – Хмара, где надыбал?

– В Трэш-сити, где ж еще!

– От же ж ушлый Яшка-цыган! – восхитился кто-то и тут же выдал наглым, с характерным надрывом, тенорком: – «Спрячь за высоким забором девчонку – выкраду вместе с забором!..» А забор-то где трэш-ситиевский, а, Хмара?

Охотник – красивый, чернявый и действительно смахивающий на цыгана, в ответ блеснул пока еще не прореженной авитаминозом и бурной жизнью улыбкой:

– Да обратно на место поставил! А то, что другие красть будут?.. Эй, а ну убери лапы от девки!

– Ну че ты, даже пощупать не дашь? Такая краля!..

– Вот иди сам себе добудь – потом шупай! Моя девка, усек?!

– Да твоя, твоя, не кипишуй!.. А че она вся такая белая? Ты ее, что ль, снежками заго- нял? Чтоб шкурку не попортить?

– Га-га-га!!!

Громкий мужской гогот взорвался под сводами станции. Охотник неторопливо стянул начавший оттаивать сверток и передал подоспевшей кухонной бригаде своего клана. С наслаждением расправил натруженные плечи. И только потом ответил:

– Идти не хотела. Пришлось сунуть носом в сугроб и немного повозюкать – в воспитательных целях.

– Га-га-га!

– А связал зачем? – продолжали веселиться охотие до зрелищ алтуховцы.

Действительно, у рыжеволоски были скручены за спиной руки, и она время от времени неловко поводила плечами: больно!

– Не вняла воспитательным мерам. Распускала руки. Едва ухо не оторвала, пришлось окорачивать.

– А кроме уха она тебе, случайно, ничего не оторвала? А, Хмара?

– Хочешь проверить, Банзай? – оскалился охотник. – Тогда поворачивайся и нагибайся!

– Га-га-га!!!

– Хмара, на кой хрен тебе эта дикая кошка? – летели отовсюду подначки. – Ты же с ней не справишься! Тебе придется ее на ночь привязывать! В позе морской звезды – и чтоб лишний раз не возиться, и чтоб она тебе уж точно ничего не отгрызла! Ни во сне, ни, так сказать, в процессе!

– Мужики, а давайте я как-нибудь уж сам разберусь, что мне делать с моей добычей и как с ней обращаться? Еще вы мне свечку не держали!

– Га-га-га!!!

Привлеченный всеобщим шумом и весельем, подошел один из клановых вожаков, сопровождаемый своей свитой. Толпа раздалась. Хмара покосился на подошедшего и слегка напрягся: а ну как захочет отобрать девчонку? Ведь он, Хмара, – член его клана, а вожаку всегда – лучший кусок...

Но вожак – бледнокожий, со встрепанными, рано подернувшимися сединой волосами, кустистыми бровями и неопрятной щетиной на щеках – лишь оглядел добычу молодого охотника с головы до пят (та совсем съежилась под его пронзительным взглядом, но ненависти в глазах не погасила), хмыкнул и легонько похлопал парня по плечу.

– Молодец! Девка – что надо! Можешь считать себя Тесеем, совершившим еще один подвиг!

Развернулся и неторопливо пошел обратно. Перед ним почтительно расступались и свои, и не свои, а за его спиной раздавались уважительные шепотки: «Кожан – молоток, все по справедливости делит! – «А Тесей – это кто?» – «Да древний грек какой-то. Говорят, мутантов пачками мочил, горгон там всяких, гидр...» – «Горгону другой грек завалил, не звезды!» – «Ай, да мне-то не пофиг? Они все равно давно уже все померли!...»

Хмара тайком перевел дух и посмотрел на пленницу. Та – ошетилившаяся, пышущая страхом и ненавистью, действительно всем своим видом напоминала дикую рыжую кошку.

– Идем! – он рывком поднял ее за локоть и потащил к своей палатке.

Девчонка несколько раз дернулась, попыталась даже его укусить, но Хмара запустил пальцы в ее шевелюру и резко рванул. Рыжая взвизгнула от боли, скривилась и прекратила сопротивляться.

Вслед им летели крепко посоленные шуточки, смех и предложения вспомнить о товарищах, если пленница снова проявит строптивость.

Хмара небрежно, но жестко втолкнул свою живую добычу в палатку, а сам неторопливо снял зимний маскировочный костюм, теплую одежду, унты и развесил все это на просушку на стоящих тут же деревянных козлах. И только потом сам влез в палатку и сноровисто застегнул за собой полог входа.

– В общем, так, – обратился он к забившемуся в дальний угол и сверкающему глазами рыжему клубку страха и ненависти. – Сразу расставляю все точки над зю, чтобы лишить тебя всяких бесплодных иллюзий. Пункт первый – побег со станции. Даже думать забудь. Сбежать отсюда тебе не удастся. Наверх у нас ба... женщин не выпускают ни под каким предлогом. Попытка смыться в туннели чревата попаданием в лапы ребят с блок-поста. А они с тобой – в отличие от меня – церемониться не станут. И даже если тебе посчастливится от них ускользнуть – их коллеги на бибировском кордоне могут решить, что ты – наша лазутчица, и незатейливо пристрелить, даже не дав тебе дойти до их ворот. В обратную сторону, в тупики, идти тоже бессмысленно – выхода наверх там нет, так что рано или поздно тебя все равно найдут и притащат обратно. Причем уже не так... гм, деликатно, как тащил тебя я. Вопросы по первому пункту есть?

Девушка молчала.

– Вопросов по первому пункту нет, – кивнул сам себе алтуховец, словно поставил галочку в невидимом опроснике, и потянулся к связывающим ее путам. Пленница тут же вскинулась и угрожающе оскалила зубы.

Р-раз!!! Хлесткая оплеуха оглушила ее и отбросила, как тряпичную куклу, и строптивца, вскрикнув, упала на пол, неловко вывернув руки и уткнувшись носом в потертое одеяло.

– Пункт второй – послушание, – ровным голосом продолжил Хмара, подождав, пока она не придет в себя. – То, как я с тобой буду обращаться, зависит только от тебя. Ты можешь сопротивляться, кусаться, царапаться... и каждый день ходить битой и в синяках – что,

прошу заметить, очень не украсит твое симпатичное личико. Про привязывание парни уже говорили, и я нахожу, что это – вполне недурная мера по обузданию строптивого нрава некоторых глупых девиц... – тут охотник пристально посмотрел в глаза всхлипывающей девчонке. – А можешь поступить наоборот – проявить благоразумие, успокоиться и смириться со своей участью, как это сделали другие женщины на нашей станции, подобные тебе. И стать хозяйкой в этой палатке, приобрести определенный статус в моем клане и в целом – в общине. И пользоваться всеми преимуществами этого. Подарки там всякие, гостинцы, золотые цацки, брюлики и все такое прочее. Ну и, естественно – хорошее отношение, уважение, покровительство и защита с моей стороны. Что скажешь?

Рыжеволоска долго молчала. На лице ее отражалась внутренняя борьба.

– Я не просила меня красть! – наконец пробормотала она. В голосе ее слышалось упрямство и возмущение. – Почему я?

– Ты мне понравилась, – хмыкнул охотник и расплылся в улыбке. – Видишь ли... я довольно давно начал за тобой следить. И решил, что именно ты станешь моей женщиной. Без вариантов. Знаешь, я – человек не жестокий, и лишний раз поднимать на тебя руку мне совсем не хочется. Но если ты будешь вынуждать меня воспитывать тебя жесткими методами – тебе же самой будет от этого только хуже. Так что думай хорошенько и решай, кем ты станешь здесь.

Девушка снова непримиримо насупилась... а потом вдруг издала длинный рваный вздох, обмякла и понурилась.

Приняла решение.

Хмара снова хмыкнул и принялся расплетать концы провода, стягивающего ее запястья. Покончив с этим, он мягко, но властно опрокинул девушку на спину.

– Ты... ты меня... сейчас... – пролепетала та, сжимаясь и пытаясь отползти.

– И пункт третий – понимание ситуации. – Хмара ткнул куда-то себе за спину большим пальцем. – За стенками этой палатки найдется немало изголодавшихся по женской ласке мужиков. Которые с огромной радостью воспользуются твоим пока еще свежим и не потасканным телом. Гм... Ключевое слово здесь – пока еще... И не по одному, замечу тебе, разу воспользуются. Но можешь не рассчитывать, что все это будет происходить, как в довоенных сопливых романчиках для гламурных кисок. Насколько мне известно, в первый раз... и уж тем более, без какой-либо предварительной подготовки – всегда больно, а наши ребята – увы! – нежными манерами в большинстве своем не отличаются. – Хмара хмыкнул, наблюдая за реакцией пленницы. – А теперь представь: что потом от тебя, такой гордой и строптивой, останется – после того, как тебя перетрахает по очереди и коллективно целая толпа озабоченных и в большинстве своем не знающих культурного обращения с женщинами самцов?

Он со спокойной насмешкой посмотрел в начавшие наливать ужасом глаза и с убийственной лаконичностью закончил:

– У тебя есть выбор: или я – или они.

По щекам пленницы потекли слезы, она зажмурилась и отвернулась, дрожа и еле слышно всхлипывая.

А потом начала медленно расстегивать поношенную куртку.

Глава 1. О'Хмара из Алтуфьево

Станция Алтуфьево, май 2033 года

«Уйййе-е-е, бляха медна, как же башка-то трещит!.. Нет, вчерашние посиделки на спиртзаводе были определенно не в тему... Чего там, интересно, намешал Алхимик в очередное свое варево, что с одного понюху теперь так плющит?..»

Марк еле разлепил глаза и тут же болезненно охнул, сморщился и снова зажмурился: над правой бровью словно железный штырь воткнули и с садистским изуверством продолжали вворачивать глубже. Продолжая морщиться, подросток ощупью нашарил в кармане палатки кисет с сушеными травами и поспешно уткнул в него нос, вдыхая сладковато-пряный аромат, среди которого сильнее всего выделялась нота валерианы. Довоенные лекарства были в Алтуфьево, да и, наверное, во всем метро, страшнейшим дефицитом, и поэтому в подобных не слишком серьезных случаях на их станции обычно пользовались дарами природной медицины. Местные лекари составляли травяные смеси на самые разные случаи жизни. Правда, ехидные языки клятвенно уверяли, что смеси эти – неважно, от поноса или от головной боли – мешались из одних и тех же трав. И срабатывали в нужном направлении исключительно за счет самовнушения болящих. Самые умные при этом еще поминали какое-то там «плацебо» и прочие замудренные словечки, оставшиеся от прежней жизни.

Впрочем, народ в «алтухах» жил крепкий, жизненными невзгодами и хворями битый. Те, кто ухитрился выжить после всего, что происходило добрых два десятка лет назад на этом участке ветки¹, болели редко, а лекарствами пользовались и того реже.

Адаптировались, так сказать, к новым условиям.

«По ощущениям напоминает бодун – так, как его описывают мужики... – Марк снова осторожно приоткрыл глаза, прислушиваясь к своему состоянию. – Так что поздравляю тебя, О'Хмара, с приобщением к радостям взрослой жизни!.. Не-е-е, ну его к чертовой бабушке, никогда в жизни пить не стану!!!»

Причина мучившего подростка «бодуна» была вовсе не в алкоголе – как могло бы показаться несведущим. При всем раздолбайстве нравов в Алтуфьевской общине детям здесь пить строго-настрого запрещалось. А чересчур борзые юные испытатели, решив втайне приобщиться к пресловутым радостям взрослой жизни, люто огребали по первое число, едва только попадались. А попадались всегда, ибо со станции им было деваться некуда. И надранные ремнями приключенческие места были хорошей гарантией трезвого образа жизни. По крайней мере, в столь нежном возрасте!

«Бодун» Марка имел самое что ни есть благородное эмпирическое происхождение. Накануне он несколько часов проторчал на так называемом спиртзаводе, наблюдая за тем, как Алхимик, хозяин этого замечательного и жутко таинственного места, изобретает какой-то очередной свой эликсир. Изобретение воняло прегадостно, но смотреть, как в многочисленных колбах, пробирках и прочих склянках, названия которых Марк даже не знал, происходят разные реакции, что-то бурлит, что-то дымит и пыхает – было очень интересно и познавательно!

Вот и надышался. Скрипи теперь.

Спиртзаводом в Алтуфьеве громко величали кирпичную выгородку в самом дальнем конце местного путевого тупика. Царем и богом здесь был некто Алхимик – мужик, сколь объемистый по габаритам, столь же и добродушно-веселый. Дело свое он знал и любил

¹ История Серого Севера подробно изложена в романе «Метро 2033: Джульетта без имени» (здесь и далее – примеч. авт.).

настолько, что мог, по слухам, из ничего сотворить хоть коньяк «Наполеон», хоть некую загадочную «орбит-шашлык»... да хоть черта лысого с запахом роз и вкусом апельсинов – было бы вдохновение! При всем том сам Алхимик был – когда его не отвлекали от очередного эксперимента – душой компании, не дурак поест и выпить, постоянно ходил в очень колоритном длинном, подпоясанном веревкой, вылинявшем балахоне и, как утверждали взрослые, во многом походил на какого-то там «брата Тука».

Владения Алхимика были, пожалуй, самым стратегически важным местом в Алтуфьевской общине – разумеется, после гермоворот на выходах со станции и туннельного кордона на границе с воинственным Бибирево. Здесь, в нескольких некогда найденных самопальных и полупромышленных дистилляторах, Алхимик бодяжил всякие нужные и полезные в быту жидкости (из которых наибольшую популярность имели самогоны разных видов и сортов элитности и так называемый одеколон – гнусоотпугивающая жидкость на основе болотного багульника, верная спутница местных охотников). Здесь он также изготавливал по заказу станционного лекаря снадобья из все того же природного сырья.

Стратегическое производство полезных жидкостей и порошков было упрятано в самые дальние гребеня станции еще и в силу его очень даже вероятной взрывоопасности и более чем реальной вонючести. Но, невзирая на эти очевидные неудобства, продукция Алхимика была важна для станции тем, что шла также и на экспорт, к соседям по ветке – Северному Эмирату и Содружеству Серых Станций. На нее выменивали все, что в «алтухах», представлявших собой нечто вроде местной «понизовой вольницы», не производили. С Содружеством – или, как его еще называли тут, ТриЭс, алтуфьевцы, правда, чаще всего были на ножах, но случались и периоды мира и затишья, в которые как раз и происходила меновая торговля. Нет, соседи тоже и стратегическим зельеварением занимались, и лекарства пробовали делать – да вот только такой фантастической, на грани интуиции и какого-то запредельного чутья виртуозности, с какой гениальный Алхимик варил свои зелья любого назначения, у них не было и в помине. Поэтому алтуфьевские поставки «полезных жидкостей» (редкие по причине лихого разбойного менталитета жителей конечной и соответствующей среди соседей репутации) были очень важны и для Эмирата, и даже для ТриЭс.

Много раз коварные соседи пытались переманить Алхимика к себе на жительство, сулили ему всякие блага и почет, но он только отмахивался.

– Нас и тут неплохо кормят! – заявлял он и благодушно почесывал объемистое пузо, не исчезнувшее даже после двадцати лет совсем не роскошной жизни в подземке.

Марк любил бывать в царстве Алхимика. Тот знал множество захватывающих историй из довоенной жизни и умел их рассказывать не менее захватывающе. Иногда даже показывал местной ребятне всякие интересные фокусы со своими склянками. Зрелище разноцветных дымов, появляющихся при смешивании нескольких жидкостей и порошков, или на глазах меняющее цвет и консистенцию содержимое пробирки... Это завораживало, манило и обещало тайны не хуже тех, что крылись за двумя, казалось бы, простыми словами: «довоенная жизнь».

...Боль немного отпустила. Марк с облегчением выдохнул, расслабил мышцы лица и откинулся на узел с зимней одеждой, служивший ему подушкой. Сегодня у охотников – выходной день, так что можно воспользоваться своим законным правом отдыха и еще немного поспа-а-а...а-а-а-а...

Ага, не тут-то было!

Только он расслабился и закрыл глаза, собираясь навестить отнятое у сна посиделками у Алхимика время, как снаружи кто-то бесцеремонно застучал по верху палатки.

– Хмаренок, дрыхнешь?

– Котяра, еще раз так меня назовешь – я тебе ночью усы обстригу! – проворчал Марк, узнав по голосу одного из своих коллег по охотничьей бригаде. Котяра, а точнее – Лешка

Кот, был ненамного старше его – всего-то года на три – четыре, но уже носил заметные усы, которыми очень гордился и которые всячески холил и лелеял.

– Кишка тонка! – заржал тот. – Посмотрю я, как ты ночью проберешься ко мне в палатку!

– Что, мышеловку на входе поставишь? – огрызнулся Марк, которому очень не нравилось, когда его называли Хмаренышем или Хмаренком.

Оно, конечно, прозвище шло от прозвища отца, а то, в свою очередь – от фамилии, которую они оба носили – Хмаровы, но даже в вопросе именованья по отцу Марк терпеть не мог всякие сюсюканья. Как маленького, честное слово! Можно подумать, ему еще пятнадцати не исполнилось! Почти мужчина, мальчишки в Алтуфьево выросли быстро. Если уж как-то и называться помимо имени, то с некоторых пор он предпочитал вариант, услышанный от одной из местных женщин – О'Хмара. Как ему потом объяснили, на языке одной из далеких-далеких стран это означало «сын Хмары». Прозвище нравилось мальчику, и даже то, что придумано оно было женщинами, ничуть не умаляло его ценности. Марк, сын Хмары из Алтуфьево... Звучит, черт подери!

– Да я тебя и без мышеловки поймаю!

– Котяра и есть... Ты че вообще приперся-то? Спал, блин, себе, нет же...

– Вообще-то я шел тебе сказать... Что только что видел Жеку-ординарца. И он велел передать тебе, чтоб ты по-бырому шел к Кожану. Чего-то он тебя видеть хотел.

– Кожан?!.. Так какого же хрена...

Сон, а заодно и головную боль как ветром сдуло. Марк вскочил (при этом едва не хряпнулся макушкой о свод каркаса) и, путаясь сперва в спальнике, а потом – в рукавах и штанинах, кинулся одеваться. Грозный вождь Алтуфьевской вольницы ждать не любил, и если уж сам вызывал к себе кого-то – следовало торопиться! Тем более что у Марка и самого было к нему очень важное дело.

Сын Хмары наскоро плеснул себе в лицо воды из фляги (бежать к общественному умывальнику и «наводить красоту» было уже недосуг – потом, все потом!), немудряще утерся подолом майки, затянул хитрые, но очень прагматичные узлы на ботинках. И, приглаживая встрепанные после сна волосы, кинулся в торец платформы – туда, где в одной из бывших подсобок под лестницей располагался «кабинет» вождя.

Ординарец Кожана Жека нашелся там, где ему и полагалось быть, – сидел на табурете под дверью начальственного «кабинета» и пиликал на потертой губной гармошке что-то меланхоличное, но, как показалось Марку, красивое. Заслышав топот ботинок, он подобрался было, но при виде влетевшего в предбанник подростка расслабился и принял прежнюю позу.

– Звали, дядь Жень? – выдохнул Марк.

Жека кивнул, не прекращая музицировать, и ткнул себе за спину большим пальцем. Неспешно, вместе с табуретом, отстранился, освобождая раннему визитеру проход.

– А вообще... как там?.. – все же не преминул осторожно спросить подросток. Он уже несколько дней пытался пробиться на аудиенцию к вождю по некоему важному делу. Но Кожан вечно то был занят, то отсутствовал, то у него было дурное настроение, во время которого ему под руку лучше было вообще не попадаться... Сегодня сам позвал, значит, есть шансы...

– Сегодня добрый, – заверил ординарец и снова завел свою музыку.

– Жека! – прилетело из-за неплотно закрытой двери. – Задрал ты меня уже своим шансоном! Хоть бы раз чего путного сыграл! Сидишь тут, пиликаешь мне на нервах!.. С кем ты там разговариваешь?

– Пришел Хмаров-младший, шеф, – ординарец торопливо вскочил, засовывая гармоник в карман. – Ты, вроде, его видеть хотел...

– Запускай!

Марк еще раз торопливо провел ладонью по макушке, одернул куртку и, повинувшись приглашающему жесту Жеки, шагнул в дверь.

Он уже бывал здесь однажды – в конце января этого года, после похорон отца. Хмара погиб на охоте, оставив сына сиротой. И Кожан, после скорбной, но недолгой церемонии прощания и погребения, пригласил Марка в свой «кабинет» и там сказал ему, что отныне клан, к которому принадлежали отец и сын Хмаровы, берет над ним, Марком, шефство.

Алтуфьевские кланы с незапамятных времен сбивались не по семейно-родственному принципу – как это было, к примеру, в Эмирате или на некоторых станциях ТриЭс. По сути, клан на этой конечной станции Серой ветки представлял собой обычную банду – только с более четкими и прочными узами взаимной поруки среди его членов. До войны подобное сообщество называли бы мафиозной «семьей», но в «алтухах» обходились более коротким, емким и менее пафосным словом «клан». Клань возникали, распадались с гибелью их членов, переживали новое рождение, взлет влияния и падение в самый низ местной иерархии. Клань дружили и враждовали между собой, иной раз грызлись так, что пух и перья летели... Единой власти в «алтухах» долгое время не было, и еще лет десять назад из-за этой межклановой грызни на станции, как в банке со скорпионами, царил полный беспредел. Именно тогда среди соседей и сформировалась репутация буйных алтуховцев как опасных и беспринципных отморожков, с которыми лучше не иметь никаких дел. Тем более что население этой станции, опустевшей в результате эпидемии конца 2013 – начала 2014 годов, формировалось впоследствии из разного рода изгоев, отщепенцев и прочих неблагонадежных, коим не нашлось места на своих станциях. То есть личностей до боли знакомых, и от которых уже знали, чего ожидать.

Межклановая грызня в Алтуфьево закончилась в 2024 году, когда к власти пришел сильный и жестокий, но вместе с тем умный и харизматичный лидер одного из самых крупных и влиятельных кланов, которого поддерживали не только его соклановцы, но и – внезапно – многие представители других «семей». Пришел обычным и естественным для любого узурпатора путем, физически устранив всех своих самых серьезных и опасных конкурентов и основательно прижучив остальных.

Но, правда, харизма и принципы этого лидера были настолько яркие, четкие и притягательные, что вскоре под его руку пришли даже те, кто поначалу выступил на стороне его противников.

Звали этого лидера Станиславом Кожиним или по-местному – Кожаном.

Став вождем «всея Алтухов», объединив разрозненные клань в единое сообщество и, где лаской, где таской, наведя в нем достаточно жесткий порядок и дисциплину, Кожан тем не менее не перестал быть лидером своей собственной «семьи». Хотя формально клань и прекратили существование, но связи между их членами, которые не так-то просто было разрушить (да никто и не собирался – в том числе и сам Кожан), сохранились.

Хмара, отец Марка, был одним из самых преданных сторонников Кожана – из тех, что помогли ему захватить власть на станции. Поэтому, когда Хмаров-младший лишился отца, вождь и соклановцы, действуя сообразно местной неписаной этике, взяли подростка под свое крыло и теперь вели его во взрослую жизнь как «сына полка».

...Шагнув в «кабинет», Марк почтительно склонил голову, приветствуя главу общины.

– Вождь... Вы звали. Я пришел.

Кожана боготворили все без исключения мальчишки на станции, мечтая стать такими же крутыми, как и он. И смотрели на вождя не иначе как с трепетом и обожанием.

– Проходи, проходи! – кивнул Кожан и закрыл потрепанную «амбарную книгу», в которой что-то чертил перед приходом посетителя. – Мне передали, что ты последние несколько дней так и рвешься меня увидеть по какому-то важному делу. Слушаю тебя.

Одной из особенностей алтуфьевского вожака была нелюбовь к околичностям и дипломатическим кружевам. Кожан предпочитал сразу переходить к делу.

Марк кашлянул, прочищая горло, и заговорил, стараясь вести себя степенно и с достоинством, как некогда – его отец:

– Вождь, я бы хотел получить ваше разрешение отлучиться со станции на день-два.

– Причина? – коротко бросил Кожан. Если он и был удивлен столь необычной просьбой подростка, которого – по понятным причинам – буквально только-только начали отпускать на охоту в одиночку (и то – исключительно в ближние места), то никак этого не показал.

– Моя мать, – сын охотника внимательно посмотрел на вожака. – Я знаю, что она по-прежнему живет в Сор-городке. Я хотел бы встретиться с ней.

– Зачем?

– Я... мне... – Марк остановился, подумал и потом чуть пожал плечами. – Я не знаю. Мне бы хотелось... поговорить с ней. Узнать, почему она тогда ушла от нас и больше не возвращалась. Может быть... может быть мне удастся уговорить ее вернуться? Я ведь теперь совсем один...

Кожан длинно выдохнул и тяжело оперся растопыренными пальцами обеих рук на потрескавшуюся крышку низкого столика, стоявшего перед ним. На некоторое время в «кабинете» повисло молчание.

– Дурная идея, парень, – наконец изрек мужчина. – Ни к чему хорошему это не приведет, так что забудь.

– Но... почему?... – опешил подросток. Ему-то казалось, что глава общины вникнет в его проблему и поможет... А он... Марк ощутил, как внутри него начала разворачивать длинный змеиный хвост шипящая обида.

– Да потому! – голос Кожана приобрел нотки раздражения. – Отец тебе разве не рассказывал, как у них там все было?

– Ну... он только говорил, что похитил маму из Сор-городка, взял в жены, потом родился я... А потом... она стала тосковать по своим родным и проситься обратно. Отец ее отпустил, и она ушла.

– Ушла! – фыркнул вожак. – Она не просто ушла – она убежала! Бросила вас, тебя и твоего отца! Послушай меня, парень, брось эту затею – встречаться с матерью! Я знаю, что говорю – на нашей станции трудно что-то утаить от чужих глаз. Мамаша твоя с самого начала возненавидела твоего отца – хотя он с ней обращался, как с принцессой какой-то. Защищал, баловал, подарки дарил... И не стал проявлять жесткость и власть, когда она обратно запротестовала. Отпустил. И даже сам довел ее до Сор-горы... Она ушла без тебя, не захотела забрать. Потому что ты был сыном своего отца – человека, которого она ненавидела. И заодно ненавидела тебя. И практически не занималась тобой, только кормила – да и то, как из-под палки. Спроси, вон, хотя бы у наших женщин, они тебе много чего интересного про те времена расскажут!.. И то, что она с такой легкостью бросила тебя, тогда еще совсем мелкого, и за все это время даже ни разу не справилась о тебе – уже о многом говорит!

– Она же не может прийти на станцию... – попытался защитит от наветов свою мать слегка растерявшийся от открывшейся правды подросток. – Да и дорога...

Кожан только отмахнулся:

– От нас до Сор-горы – рукой подать. И не такие уж там и опасные места даже для женщины. Тем более – живущей Наверху! Твои коллеги из Трэш-сити, по крайней мере, тоже это знают. Что мешало ей передать с ними весточку или поручить им спросить при встрече у наших охотников, как ты поживаешь? Но за все эти годы она ни разу тобой не

поинтересовалась, ни разу не дала о себе знать. И ты продолжаешь думать, что у нее к тебе еще могут быть какие-то чувства? Да ты бы видел, с какой радостью она уходила отсюда! Даже не взглянула на тебя, не попрощалась! Так что посмотри правде в глаза, парень: ты не был ей нужен тогда, не нужен и сейчас! А раз так – то и нечего к ней ходить, глаза мозолить и унижаться перед бессовестной бабой, бросившей своего сына! Она уж наверняка снова вышла замуж за кого-нибудь из своих и обзавелась другими детьми, которых – в отличие от тебя – любит. И могу поклясться, совсем не вспоминает о том, что с ней было. Так что разрешения на отлучку со станции не даю, с мамашей видаться запрещаю (потом сам же мне спасибо скажешь!). И это мой тебе ответ!

– Но... вождь... – Марк почувствовал, как его захлестывает буря самых разнообразных эмоций: обида, негодование, злость, сомнение...

– И только попробуй самостоятельно смыться со станции! – грозно припечатал Кожан. – Самолично выпорю в память о твоём отце, понял? Все, аудиенция окончена!

И глава общины демонстративно уткнулся в тетрадь, всем своим видом показывая, что не намерен больше обсуждать тему встречи подростка с блудной матерью.

Марк с шипением втянул воздух сквозь зубы и ринулся за дверь, едва не сбив с табурета сидевшего по ту сторону Жеку. Ординарец приподнялся, с удивлением глядя на пылающее от злости и досады лицо подростка, но никаких комментариев по этому поводу не отпустил. Лишь покачал головой и уважительно присвистнул, косясь в сторону «кабинета».

К себе, как было приказано, Марк не пошел. Вместо этого он спустился на пути и побежал в сторону тупика, привычно бормоча настраивающую на верный ритм речевку. Нет, он не собирался снова посещать спиртзавод и Алхимика. Но ему было необходимо успокоиться и подумать о том, что же делать дальше. Отец всегда говорил ему, что взрывным характером и феерическим ослиным упрямством Марк пошел в мать, а не в него, и потому с раннего детства учил сына никогда не принимать поспешных, под влиянием эмоций, решений. И все время рекомендовал для сброса «лишней дури» активные физические нагрузки. Поэтому небольшая пробежка туда и обратно, чтобы выпустить пар, в данной ситуации виделась юному охотнику первейшей необходимостью.

Добежав почти до выезда из туннеля в обширный отстойник, Марк слегка отдышался, походил, сделал несколько взмахов руками, выравнивая дыхание. Опустился на землю, отжался несколько раз на кулаках, немного посидел на пятках, закрыв глаза и успокаиваясь.

Кожан уж наверняка теперь поручит шлюзовой бригаде и прочим службам техобеспечения станции присматривать, чтобы он, О'Хмара, ненароком не смылся наверх без разрешения. Но Марк был далеко не глуп. А еще он был охотником и умел, несмотря на юные годы и унаследованный материнский характер, терпеливо ждать в засаде, выслеживая дичь. И не пороть горячку, поддавшись эмоциям. И решение, в конце концов принятое им, было достойно настоящего охотника: мудрого, рассудительного и выдержанного – такого, каким был его отец.

«Не стану дергаться и спешить. Пусть Кожан успокоится, забудет... А когда мы выйдем в дальний рейд – тут-то я и смоюсь. Ненадолго. До Сор-горы рукой подать, сбегать туда и обратно будет нетрудно. А если еще это проделать во время ночевки – так и вообще никто не заметит. И что бы там ни говорил вождь, но я встречу со своей мамой и поговорю с ней!».

Марк улыбнулся своим мыслям и уже неспешно, полный уверенного спокойствия, побежал обратно на станцию.

Глава 2. Сор-гора

Когда в июле 2013 года над Москвой грянула ядерная тревога, на запуск вражеских ракет незамедлительно отреагировали защитные комплексы ПРО, несколькими поясами рассредоточенные вокруг столицы – как современные, так и те, что сохранились еще с советских времен и были незадолго до войны спешно реанимированы и модернизированы. Только благодаря этому на город, а точнее – на его самые важные стратегические объекты (крупные заводы типа ЗИЛа, городские ТЭЦ и так далее, включая угодивший под выброс какой-то экспериментальной психотропно-биологической хренотени Кремль), упало всего несколько боеголовок – те, что сумели каким-то чудом увильнуть от встречных контрмер. В основном же Москва пострадала мало.

Но там, где упали и взорвались боеголовки, не осталось ни одного уцелевшего здания, ни одного живого существа. Только оплавленные бесформенные руины, выкипевшие пруды и сожженные леса и лесопарки. Целый ряд городов и поселений Московской области, находившихся вблизи так называемого Большого Бетонного Кольца, приняли на себя основной удар, самоотверженно заслонив собой мечущуюся в панике всеобщей бестолковой эвакуации Первопрестольную. Приняли – и пали, в единый миг стертые с лица земли всепожирающим огненным хаосом. Вокруг Москвы там, где раньше было Большое Кольцо, образовался многокилометровый Мертвый Пояс, в котором долгое время потом не селились даже вездесущие и ко всему привычные крысы и муравьи.

Чуть больше повезло окрестностям так называемой второй бетонки, или Малого Кольца. Это был «второй эшелон» обороны, и поэтому близлежащим населенным пунктам досталось все же меньше. Хотя по некоторым городам, имевшим важное военное или промышленное значение, враг не поскупился высадить и по отдельной боеголовке, а то и по нескольким.

Менее всего пострадали города-спутники, расположенные в непосредственной близости от границ Москвы, на ее окраинах. Хотя они тоже подверглись излучению и разрушениям от взрывов тех самых отдельных, сумевших прорвать внешние кольца обороны боеголовок, однако для них близость к Москве оказалась спасительной, и досталось им меньше, чем их более удаленным от столицы и более невезучим соседям.

Но прошло двадцать лет – и вот уже выросла на руинах погибших поселений новая жизнь. Зашумела ветвями, зашуршала травами, затоптала лапами, копытами и прочими конечностями и вскоре почти скрыла жалкие останки того, что некогда гордо именовалось человеческой цивилизацией.

Теперь уже совсем другие существа хозяйничали на этих землях. А для человека здесь если и осталось место, то исключительно в виде звена в пищевой цепочке новых властителей мира.

Однако далеко не везде упрямый «венец творения» был изведен под корень или в страхе забился под землю, стремясь спастись от того, что сам же и накосячил на свою дурную голову.

...Что побудило небольшую горсточку бывших жителей Долгопрудного и Левобережной однажды, спустя несколько лет после катастрофы, навсегда покинуть тесные, темные, но кажущиеся вполне надежными подземные бомбоубежища и бункеры? Выйти наверх, в неведомую и опасную жизнь среди радиоактивных руин, буйно разросшейся на них флоры и осмелевшей фауны? И не просто выйти, а поселиться здесь, на этом более чем странном для современных реалий и вроде бы менее всего подходящем для людского жилья месте?

До войны здесь располагался уже не действующий полигон твердых бытовых отходов «Левобережный», получивший – вместе с его соседом, полигоном ТБО «Долгопрудненский» – в народе емкое и меткое прозвище: «хребет Лужкова». Сейчас же это место носило имя простое, но звучное и недвусмысленно указывающее на природу его происхождения.

Сор-гора – огромный, густо поросший деревьями и кустарником холм из строительного и бог знает какого еще древнего мусора – высилась на юго-западной окраине колоссального лесного массива, в который за двадцать лет отсутствия человеческого фактора превратились два огромных местных кладбища у ее подножья и бывший Долгопрудненский лесопарк. История Сор-городка, хорошо укрепленного поселения на плоской вершине одноименной горы, началась примерно года через два-три после Удара и протекала в полном соответствии с выражением «не было бы счастья – да несчастье помогло».

Одно из долгопрудненских подземных убежищ начало постепенно, но неотвратимо затапливать. То ли прорвались откуда-то грунтовые воды, а оборудование для их откачки слишком быстро пришло в негодность, работая с предельной нагрузкой при катастрофической нехватке электроэнергии... То ли само убежище – как, впрочем, и многие другие, подобные ему – не было предназначено для многолетнего проживания в нем такого количества людей... Ведь одно дело – пересидеть, как регламентировали инструкции по эксплуатации, несколько суток, пока наверху фон не спадет. И совсем другое – запереться в этих бетонных катакомбах на месяцы... на годы... И тут уж готовься – не готовься к назревающей войне, переоборудуй системы жизнеобеспечения бункеров и убежищ на более долгий, чем изначально технически заложено, срок – не переоборудуй... При отсутствии производства и обеспечения всех этих помп и вентиляций новыми деталями и устройствами взамен износившихся – протянешь недолго. Даже при условии, что тебе все это время будет, чем кормить всю эту технику, и что есть самому! Что тоже, в общем-то, довольно проблематично: продуктовые и прочие НЗ в убежищах все-таки не бесконечны. Одним словом, однажды перед обитателями данного убежища встал в прямом смысле вопрос жизни и смерти: либо оставаться в постепенно затапливаемом и насквозь проплесневевшем из-за сырости подземелье и рано или поздно потонуть, задохнуться или погибнуть от болезней – либо искать новое, более безопасное убежище.

К счастью, обитателям данного подземелья повезло: среди них нашлись умные и отважные люди, которые, едва осознав, что пришла очередная беда, не стали сидеть сложа руки, а принялись искать выходы из сложившейся ситуации. Собранные и возглавляемые ими разведгруппы выходили на поверхность и скрупулезно обшаривали близлежащую местность в поисках других убежищ и бункеров, пытались договориться с их обитателями, чтобы те приняли к себе еще некоторое количество людей. Однако все переговоры вполне предсказуемо терпели крах: соседи, живя в столь же скудных и экстремальных условиях, принимать беженцев чаще всего отказывались. И их можно было понять: ресурсы не бесконечны, техника жизнеобеспечения, несмотря на все ремонты и бережную эксплуатацию, изнашивалась, самым порой есть нечего, и что там будет завтра – одному мирозданию известно.

Помыкавшись безрезультатно несколько наполненных тревогой и безысходностью месяцев, разведчики однажды вдруг выдвинули на совете общины неожиданную и очень рискованную идею: выходить наверх, искать более-менее безопасное место, строить укрепленное поселение и... пытаться выживать наверху!

– Мы много ходили по окрестностям с дозиметрами. В округе есть места, где фон достаточно низкий, причем – постоянно! – так обосновали они свое более чем смелое предложение. – К примеру, западная окраина лесопарка, примыкающая к Левобережному полигону ТБО. Видимо, в свое время эта гора мусора стала препятствием для радиоактивных пылевых ветров, дувших с запада. Наверху, на самом полигоне, кстати, тоже довольно чисто: при Ударе там выжгло нафиг все, что могло гореть, а за последующие годы дожди, видать,

смыли вниз всю пыль, которую туда нанесло после взрывов. Плюс сейчас там всю растут деревья и кустарники. Со временем они вымахают и станут дополнительной защитой. Если там и оставались какие-то металлические обломки вроде арматуры от строительных плит, то их уже давно поела ржа. Во всяком случае, пресловутого фона от «железок» мы там пока тоже не заметили. Что это означает? А это означает, что при соблюдении необходимых мер защиты у нас есть шансы продержаться там, наверху, достаточно длительное время, пока не найдем более подходящее и безопасное место. Мы также обследовали несколько артезианских скважин в бывшем частном секторе и на территории города. Есть достаточно чистые, находящиеся на большой глубине. Построить поселок именно на Левобережном или Долгопрудненском полигоне ТБО было бы весьма выгодно и в стратегически-оборонительном плане. Единственную проблему мы пока видим в том, что туда будет затруднена доставка воды. Все-таки не ровное место, и без груза тяжело встать! Поэтому предложение пока такое: рассматривать в качестве наиболее вероятного места для переселения район между восточным подножием ТБО Левобережный и речкой Бусинкой – там, где пруды и остатки каких-то старых построек и огородов. Предварительные данные разведки показывают, что место вроде бы вполне пригодное, а верхний слой зараженной почвы довольно тонок и вполне поддается удалению и замене. Мешки с садово-огородным грунтом пока еще во множестве можно найти на заброшенных хозяйственных складах и в магазинах.

Естественно, предложение разведчиков было воспринято неоднозначно. Им тут же напомнили про расплывшееся и осмелевшее зверье, от которого им и самим приходилось наверху несладко. Многие сомневались в рациональности столь радикальной смены места жительства и боялись радиации.

Рты сомневающимся заткнул начальник местной техслужбы Кургузов, в чьем ведении как раз и находились устройства, призванные обеспечивать долговечность и безопасность убежища.

– Помпы уже на последнем издыхании! – уведомил он собравшихся. – Вентиляционные фильтры тоже не вечны, хоть мы и делаем им периодическую профилактику. Но новых-то взять неоткуда! Равно как и топлива для генераторов, и так уже расходуем в час по чайной ложке! Рано или поздно нас либо зальет к чертовой матери, либо мы все тут задохнемся. Опять же, вся эта сырость и плесень в помещениях... Иван Сергеевич, – внезапно обратился он к начальнику медпункта, – сколько раз к тебе за последнее время обращались мамочки с жалобами, что дети кашляют?

– Тебе, Илья Антоныч, навскидку сказать или в точности по журналу записей? – невольно отозвался тот. – Если навскидку – то до хрена! Если по медстатистике – и того больше!

– Вот! – поднял палец начтех, обводя взглядом заволновавшихся жителей убежища. – Все слышали?

Проблема всевозможных простуд, аллергий и прочих более серьезных легочных и кожных заболеваний с тех пор, как убежище начало затопливаться и стали отказывать помпы, сделалась очень актуальной. А особенно для детей, родившихся или с самых пеленок живших в подземелье и никогда не видевших ни солнца, ни неба, ни чистого воздуха.

– Сами видите, что нам по-любому деваться некуда, – продолжил свою речь начтех. – Куда ни кинь – везде клин. Либо оставаться тут, гнить, сыреть и выхаркивать с кровью собственные легкие, либо рискнуть и попробовать приспособиться к новым условиям жизни наверху! Да, это задача трудная и, я бы сказал, даже авантюрная – ведь сейчас наверху далеко не рай земной! Но вы слышали наших разведчиков: при соблюдении некоторых условий шансов на выживание на поверхности у нас, получается, побольше, чем тут. Радиационный фон постепенно спадает, да у нас тут и не настолько массово вся эта гадость летала. А что касается зверья... – Кургузов усмехнулся. – Ну, в средние века же как-то ухитрились и обороняться от него, и охотиться... И это при тогдашнем-то уровне вооружения! У нас пока

что полно сильных рук и умных голов. Соорудить вокруг поселка тын из бревен и веток, заплести колючкой, выставить дозоры, позаботиться о необходимом вооружении, припасах... Да, условия жизни на земле изменились. Но кто сказал, что мы, люди, не сможем к ним адаптироваться? Ну, подумаешь, мутируем там в кого-нибудь со временем – мы или наши потомки... Понятно, что вас всех это – равно как и перспектива нахвататься радиации – пугает. Меня, представьте себе, тоже. Но ведь человек – такая хитрая скотина, ко всему приспособиться может, везде выживет – дай только ему зацепку! Мы вместе пережили Большой Пипец, выжили и сдюжили. Неужели и тут не справимся? Или вы считаете, что будет лучше сидеть тут, сложа лапки, и покорно ждать, пока все не прорастет плесенью и не потопнем? Не знаю, кто как, а я вот в гибель «Титаника» играть не хочу! И я готов рискнуть!

По итогам дебатов комендант убежища предложил решение, которое удивительным образом устроило всех. Заключалось оно в следующем: разведчики, технари и все, кто чувствовал в себе силы и желание помочь с обустройством новой жизни, в течение последующих месяцев должны еще раз проверить и подготовить выбранное место для того, чтобы туда можно было потом переселить всех остальных жителей гибнущего убежища. То есть, соорудить несколько крепких, защищенных от пыли и дождей построек и неприступную ограду вокруг них, разведать близлежащие чистые подземные источники воды и наладить ее добычу, доставку и дополнительную фильтрацию. По возможности также организовать регулярную охоту и заготовить припасов.

Подготовка к переселению началась буквально на следующий же день. Разведочные и трудовые десанты выходили наверх и пахали, не покладая рук, обеспечивая своим близким будущее – более, как им верилось, безопасное, чем в напитанных влагой и уже крошащихся от нее стенах подземелья. Остальные жители воспрянули духом, и даже дети и некоторые заболевшие взрослые стали кашлять меньше.

И вот, спустя почти полгода после начала работ, последний житель покинул уже наполовину затопленное убежище и переселился в укрепленный поселок у подножья Сор-горы, как вскоре его жители начали называть Левобережный полигон ТБО.

Со временем население поселка приросло и за счет выходцев из других окрестных убежищ и бункеров. Сперва это были такие же смельчаки или те, кому уже было нечего терять. А следом за ними пришли и все остальные. Они все же поверили отважным соседям и тоже решили рискнуть. А основатели Сор-городка или, как потом его стали еще называть, Трэш-сити, посоветовавшись, великодушно закрыли глаза на то, что некогда эти же убежища отказались предоставить кров им самим. Былые разногласия и непонимание были задвинуты далеко и глубоко: обстановка требовала сплоченности и множества сильных рабочих рук.

Так, со временем из изначально разрозненных пришлых группок в Трэш-сити спаялась довольно крепкая община со своим укладом жизни и обычаями, очень похожими на обычаи поселений так называемого Фронтيرا эпохи освоения Дикого Запада.

...В недалеком от этих мест Алтуфьево обитатели метро поначалу были удивлены и крайне возмущены, однажды обнаружив, что в Долгопрудненском лесу, в гипермаркетах и на складах в районе МКАДа, на их исконной территории вдруг появились другие хозяева. (До этого дорожки двух общин каким-то чудом умудрялись не пересекаться.) Охотники и разведчики хорошо укрепленного поселка у подножья Сор-горы, закрыв лица респираторами и самодельными фильтрующими масками и облачившись в тяжелые брезентовые защитные плащ-накидки, стали часто появляться как на территории леса, так и в его окрестностях, на городских окраинах. И, естественно, сталкиваться при этом с коллегами из метро.

Поначалу две общины враждовали так, что при случайных встречах и неизбежных при этом стычках охотников просто пух и перья летели. Алтуховцы, разнюхав, где живут и чем занимаются новоявленные соседи, по привычке начали промышлять разбойными набегами. Брали все, что могли ухватить, – продукты из амбаров и вещи, похищали работающих на

огородах зазевавшихся женщин и девушек... Мужчины Трэш-сити после этого пускались в погоню и, случалось, отбивали похищенное. Но бывало и так, что лихие налетчики успевали скрыться с награбленным добром и плачущими пленницами в своих подземельях. И попробуй-ка выковырай их оттуда, из-за их гермоворот!

Подобные взаимоотношения – с враждой и довольно кровавыми разборками – длились довольно долго. А потом обитатели Трэш-сити достроили новый, еще более неприступный поселок на вершине Сор-горы и подвели к нему все необходимые и доступные в нынешних условиях коммуникации. В один прекрасный день они организованно переселились наверх, и вот тогда-то и пришло время алтуфьевским абрекам кусать локти и скрипеть зубами. Новый Сор-городок отличался от старого не только более крепкими стенами охранного периметра. Подступы к нему были затруднены, во-первых, почти отвесными стенами самой горы, во-вторых – непроходимой чащей кустарника и молодых деревьев. А единственная мало-мальски удобная дорога от подножья холма (по которой когда-то, целую вечность назад, поднимались наверх трудяги-мусоровозы) была теперь нарочно по краям обсажена злущим шиповником, обнесена частоколами из хвороста и колючей проволоки и охранялась чуть ли не на всем своем протяжении.

Набеги на Трэш-сити после нескольких неудач прекратились, похищения женщин и девушек – тоже. Единичные удалцы из Алтуфьево, правда, поначалу пытались как-то добывать себе наложниц и после переноса Сор-городка наверх, но в большинстве своем их попытки теперь оканчивались ничем. И это еще в лучшем случае!

Но время шло. Забывались старые обиды и распри, представители обеих сторон невольно сходились на общих охотничьих и сталкерских тропах, общались, обменивались новостями... Случалось, что и помогали друг другу, а то и жизнь спасали... Постепенно обитатели Алтуфьево и Сор-городка смогли найти точки соприкосновения, договорились о статусе окрестных территорий и «хлебных» мест, очертили границы и сферы влияния, вырабатывали нормы профессионального этикета при встречах и спорах из-за добычи. Отношения между соседями мало-помалу стали входить в более спокойное и мирное русло. И даже соперничество из-за охотничьих территорий и ресурсов теперь было не настолько экстремальным и кровавым, как прежде. А тем из алтуховцев, кто вдруг всерьез собрался реализовывать матримониальные планы, теперь приходилось отправляться на поклон к соседям и как-то уже более цивилизованно добиваться для себя подруг. То есть свататься к местным красоткам на полном серьезе и вполне официально! С посыланием богатых подарков, смотринами, свадьбами и... с неизбежным конкурированием с соперниками – как из самого Трэш-сити, так и из своих!

Тогда-то и начали некоторые из ранее попавших не по своей воле в «алтухи» женщин из личных и общественных рабынь-наложниц также становиться законными женами своих похитителей и хозяев. Со временем алтуфьевки, махнув до поры до времени рукой на все еще сохраняющиеся, по воле мужчин, в их немногочисленных рядах статусные различия, образовали что-то вроде негласного сестричества. И, как некогда у индейских племен Нового Света, оно теперь сообща решало все «женские» вопросы общины и, как могло, защищало интересы и благополучие местных дам независимо от их личного и общественного статуса. И постепенно к мнению и к осторожным, но взвешенным и довольно мудрым советам женщин стали прислушиваться и сами непререкаемые хозяева этой разбойной станции – мужчины.

...Решив, что совет вождя по поводу сбора дополнительной информации о матери будет все же не лишним, Марк после разговора с ним отправился в «бабье царство». Так на станции назывались несколько помещений хозяйственного назначения, где находились кухня, прачечная, продуктовый склад и прочие службы, которыми ведали женщины.

– Теть Лен, есть че пожевать? – осведомился он, первым делом сунув нос на кухню. В животе, между прочим, уже урчало: молодой растущий организм настойчиво требовал заправки.

Старшая повариха оторвалась от любимого развлечения – раскладывания пасьянса из порядком потрепанных и засаленных карт – и указала на облезлый табурет у стола.

– Садись... Люськ! – крикнула она вглубь подсобки. – Тащи миски, охотничек твой кормиться пришел! – и подмигнула Марку.

Люська – голенастая двенадцатилетка, дочка поварихи, выпорхнула из-за занавески, стрельнула глазами в парнишку, покраснела, потупилась и сноровисто зашуровала у плит. Через несколько минут перед О'Хмарой стояла полная, с горкой, миска ячменной каши с мясом и кружка травяного чая. На отдельном блюде, на куске тонкого, ячменного же лаваша высилась горка сушеных прошлогодних ягод – к чаю.

Ячмень выращивали в общине Сор-горы и торговали им и прочими дарами своих полей и огородов с соседями из подземки. И не только.

– Спасибо, – небрежно кивнул Марк девочке. Та совсем смутилась от мимолетного внимания юного охотника, неловко хихикнула и усквозила обратно в свои подсобки.

Незамужних девушек и девочек-подростков в «алтухах» было настолько мало, что местным мальчишкам-подросткам и молодым парням поневоле, по примеру взрослых мужчин, приходилось конкурировать между собой в попытках добиться благосклонности юных прелестниц. И если мелкая пацанва по глупости и неопытности своей ограничивалась пресловутым дерганьем за косички и сомнительными геройствами, вроде сования за шиворот улиток и подкладывания в спальники дохлых крыс, то более старшие и сознательные уже потихоньку примеряли на себя непривычные пока еще повадки будущих альфа-самцов. И «рыцарские подвиги в честь прекрасных дам» (Алхимиково выражение) у них были уже другими и куда более серьезными!

Скромность, домовитость и покорность были главными добродетелями, которые требовались от женщин, девушек и девочек в насквозь патриархальном, зиждущемся на почитании права сильного алтуфьевском обществе. И потому дочери местных отчаянных сорвиголов были – в отличие от своих же сверстников – просто-таки образчиками послушания. В будущем каждой из них предстояло, как некогда их матерям, покориться неукротимой воле кого-то из сегодняшних юнцов – того, кто окажется самым сильным, ловким и решительным в деле отчаянного соперничества за самку с такими же, как и он, молодыми, но уже на всю пасть зубастыми волчатами.

В силу подросткового возраста и присущих ему личных заморочек Марк на девчонок внимания совсем не обращал. Отчасти он даже презирал их, считая существами слабыми, никчемными и не стоящими его, О'Хмары, внимания. То, что поварихина дочка время от времени осмеливалась робко ему улыбнуться и всякий раз отчаянно смущалась и краснела, едва его заведя, он воспринимал абсолютно равнодушно. Хотя, в общем-то, рос практически в ее обществе – ибо после ухода со станции матери его воспитанием занимались местные женщины сообща, кто чем мог помочь. И, так или иначе, ему приходилось в детстве общаться и играть не только с мальчишками. Но так уж исторически сложилось в Алтухах, что детские компании, поначалу общие, сами собой распадалась на сугубо «девчачьи» и «пацанские» довольно быстро.

Так что застенчивый интерес одной из девочек к его персоне никоим образом не волновал Марка – ни ранее, ни сейчас.

...Подкрепившись и поблагодарив повариху, О'Хмара чуть помолчал, собираясь с мыслями, а потом попросил:

– Теть Лен... Расскажи мне про мою мать. Она что, нас правда совсем не любила? Ни меня, ни отца?

Женщина на несколько секунд замерла, а потом вздохнула:

– Ну, а что я могу тебе рассказать, Марик?..

Марик – это было еще одно имя, которым его называли здесь женщины. С самого детства. Сам не зная, почему, Марк не возражал.

– Все, – подросток посмотрел ей в глаза. – Все, как было, тетя Лен, с самого начала. Правду.

– Ох, ты ж, господи... – покачала головой повариха. – Правду тебе... Вырос наш орлик, орлом становится... Люськ!.. – обратилась она к прячущейся за занавеской дочери. Та немедленно показалась. – А ну-ка иди, погуляй покуда! И чтоб не подслушивала под дверью, ясно?

– Да, мам, – тихо и с привычной покорностью отозвалась девочка. И, кинув на Марка полный затаенного восхищения взгляд, выскочила вон.

Женщина подождала, пока за дочерью не закроется дверь, а потом одним движением смешала в кучу и отодвинула разложенные на столе карты.

– Ну, слушай, Марик...

Глава 3. Жизнь за МКАДом

Операцию «Трэш-сити» Марк начал осуществлять продуманно и обстоятельно. Он и в самом деле больше не стал даже заикаться на тему свидания с матерью – затаился, сделал вид, что внял доводам вожака и выбросил из головы эту свою идею-фикс. А сам втихаря начал обдумывать детали будущей вылазки. И готовиться к ней.

Пригодной в пищу людям живности в округе водилось не так уж и мало. Разросшиеся за двадцать лет бывшие местные лесопарки давали стол и дом самым разным тварям – летучим, ползающим и бегающим, травоядным и хищным. Но время от времени охотничья бригада Алтуфьево все же выбиралась на промысел и в дальние многодневные рейды – в основном за канал, в Химкинский лес, а также – к северу от Долгопрудного. Дичь там водилась куда более непуганая и, хоть и с разного рода отклонениями в экстерьере, но куда более похожая на нормальную, довоенную живность, чем прущие из центра Москвы на окраины жуткие твари.

Про этих «гостей из центра столицы» и про то, откуда они берутся, на Сером Севере говорили всякое. Но большинство сходилось на самой популярной в этих краях версии, подтверждаемой как слухами, так и вполне себе убедительными рассказами тех, кто в центральных районах города бывал чаще и с населяющими их монстрами сталкивался практически каждый день.

Захожие караванчики, добытчики из Эмирата (географически находившиеся ближе к центру, чем их коллеги из ТриЭс и «алтухов»), а также знакомцы с Горбушки передавали, что загнездилась, дескать, в центре Москвы, под самым Кремлем, какая-то неведомая, но весьма серьезная Пакость. И приманивает свои жертвы на гипнотический свет звезд кремлевских башен. Люди, звери, птицы, грызуны, черви, насекомые... Ничем не брезговала Пакость, всех жрала, невзирая на чины и биологические виды. Росла, жирела и разбухала вширь и вглубь кремлевских подвалов и катакомб, силы копила. И время от времени разрождалась «потомством» – мерзкого вида зелеными сгустками, расползавшимися потом во все стороны от «мамашы»². И горе было тому существу, что неосторожно вляпывалось в такой вот сгусток! Мигом обволакивала его тягучая зеленая слизь – обволакивала, впитывалась в кожу, проникала во внутренности и кровь... И вот уже на месте прежнего, пока еще узнаваемого зверя или человека – чудовище, да такое, каких и приснопамятный Иероним Босх на своих картинах не рисовал!

Врали ли рассказчики про Пакость и ее зеленое склизкое потомство – поди, разбери. Известно же, народный фольклор – на то и народный, что выдумывают все, кому не лень, и кто во что горазд. Да и приукрасить свои приключения и подвиги всякий любит. А пойти и целенаправленно проверить правдивость данных слухов – ищите дураков! Версию пока что приняли за одну из самых логичных среди всех прочих, ходящих по Москве, и на том успокоились. Тут, как известно, не до размышлений о генетическом происхождении какого-то конкретного монстра, когда этот самый монстр прет на тебя бешеным танком с зубами, когтями, педипальпами и прочими ложноножками наголо. Тут не думать – тут стрелять надо! Или удирать, покуда не схарчили!

Хуже всего было то, что плодились такие вот измененные (уж неизвестно – зелеными «склизями» или еще чем) чудища в безумных, просто космических количествах! Словно в насмешку над всеми учеными мнениями и над законами эволюции, скрещивались между собой, порождая все новые и новые невиданные доселе монструозные формы. Черт их знает, что там, в их организмах, переклинивало после воздействия той слизи или еще какой мута-

² При разработке данной версии автор решил соединить реалии и книг, и игр.

генной хрени, но факт оставался фактом: стаи монстров, словно вылезших из похмельного кошмара или глюков укуренного для вящего вдохновения художника, заполонили улицы Москвы и чувствовали себя там абсолютными хозяевами.

Передавали также, что, дескать, поначалу, когда Пакость-мамаша не была столь матера и сильна, «детища» ее были тоже не столь многочисленны и прожорливы. И далеко от дававшего им энергетическую подпитку материнского «гнезда» не уходили – кучковались по центральным улицам вокруг Кремля. Но время шло, Пакость жирела, становилась сильнее... Расплодившиеся порождения ее, ощутив острую нехватку корма, стали не только пожирать друг дружку и неосторожных «мимокрокодилов», но и распространяться за пределами своего прежнего ареала. Там, где бродили по заросшим развалинам «обычные», не измененные Пакостью животные – простые мутанты и те, кому повезло остаться более-менее прежними.

Ибо не сталкером единым сыт монстр, но и ближним своим. А также – дальним. Ну, и ближними его – тоже.

Со временем выяснилось, что порождения могут скрещиваться и с обычным зверьем, передавая потомству свои исковерканные гены. И вот тут-то и таилось самое страшное: эти потомки уже не зависели от энергетической подпитки кремлевской Пакости, как их предки. И – в отличие от них – не были вынуждены тесниться поближе к центру Москвы, где эманации «прародительницы» давали им необходимую для существования силу. Потомки порождений и обычного зверья распространялись за пределами влияния Пакости, сея разор и ужас и в куда более отдаленных от Москвы местах.

Остановить этот во всех смыслах чудовищный демографический взрыв можно было только одним путем: уничтожив Пакость. Но храбрецов для этого благого дела пока что не находилось. Оно и понятно: жить-то всем хочется!³

...От наземных выходов со станции до восточной окраины Химкинского леса было навскидку километров десять. С учетом скорости передвижения пешей группы, всех плановых остановок и непредвиденных задержек алтуховской охотничьей бригаде на преодоление этого расстояния обычно требовалось в среднем часа два-три. Не сказать, чтобы места были совсем уж тихие, или, наоборот – беспокойные. Случалось всякое – и стычки со зверьем (и хорошо еще, если с местным, а не с порождениями или их потомками!), и недоразумения с промышлявшими в тех же местах охотой и рыболовством соседями с Сор-горы. К слову, отец Марка и еще один охотник погибли именно во время такого дальнего выхода. Их бригада неожиданно нарвалась на очередного оголодавшего «гостя из центра», забредшего в эти места на жировку. И ведь никто, даже прибежавшие на выстрелы и отчаянные крики товарищи, до сих пор так и не поняли толком, что это такое было. Неведомая Жуть (как, не чинясь, прозвали таинственного монстра охотники) не оставила после себя ни следов, ни ключев шерсти или перьев, позволявших ее как-то идентифицировать. Словно из ничего появилась, захавала, как раньше говорили, добычу – и исчезла.

Старожилы тут же припомнили похожий случай полтора десятка лет назад и предположили, что, по всей вероятности, именно подобная Жуть наделала тогда переполоху среди вышедших в очередной рейд бибиревских добытчиков и рабочих, утащив и сожрав у них нескольких человек. И тоже никаких следов – кроме растерзанных тел и луж крови. Оно, конечно, с Бибирями «алтухи» враждовали практически всю свою недолгую Новую и Новейшую историю... но потери и у врагов, и у своих заставили охотников и добытчиков обеих

³ В рамках данной версии происхождения монстров автор предполагает, что в дальнейшем, после уничтожения в 2034-м году Орденом Кремлевской Биомассы, ее порождения лишились энергетической подпитки и начали массово вымирать. И к 2035 году их в Москве не осталось в принципе. А «обычные», не имеющие связи с Пакостью мутанты ушли на более «хлебные» места.

станций еще очень долго осторожничать и ходить по наземным окрестностям с предельной опаской и оглядкой.

С этой самой оглядкой бригада вышла наверх ранним утром и, выстроившись «индейской цепочкой», ходко двинулась по Череповецкой улице в сторону Савеловской железной дороги. Путь ее сегодня лежал за канал, в обширный, превратившийся в густую чащу Химкинский лес.

Охотничья бригада Алтуфьево состояла из восьми человек, очень разных по характеру, возрасту и привычкам. Однако это был крепкий и дружный коллектив, в котором как-то органично и очень удобно притерлись, сцементировались между собой все углы и выступы этих разных натур.

Возглавлял бригаду вот уже несколько лет Бабай – пожилой, но еще крепкий мужик с характерным выговором и чертами лица коренного жителя финно-угорского Среднего Поволжья. В бригаде иногда подшучивали над его экзотичной привычкой задабривать подношениями перед охотой или рыбалкой духов леса и вод. Но безоговорочно поставили его над собой, единодушно признав его практическую сметку и умения.

Умник – на редкость начитанный и много чего с довоенных времен помнящий – был правой рукой бригадира и, случалось, даже подменял его в некоторых ситуациях. Также он служил в бригаде чем-то вроде консультанта по разного рода растительности, погодным приметам и прочему. На станции Умник иногда собирал вокруг себя местных ребятишек и учил их уму-разуму. Собственно, в том, что подрастающее поколение в «алтухах» умело читать и считать, была заслуга именно Умника.

«Тяжелую бронетехнику» в бригаде представлял некто Буль. Вообще, раньше этого массивного и плосконого (памятка боевой юности в рядах долгопрудненской братвы) товарища звали Бульдозером, но в целях удобства в бригаде кличка эта сократилась до необходимого минимума. Несмотря на габариты и внешность типичного «быка», Буль был товарищем неглупым, цепким и очень внимательным к мелочам. Эта его внимательность не раз выручала бригаду. На охоте Буль не расставался с огромным лесорубным топором, за что Умник иногда называл его Железным Дровосеком.

Приятель Буля, Шахар – хмуроватый, заросший по самые глаза рыжеватой бородой – еще не так давно жил на Петровско-Разумовской. Но разругался однажды в пух и прах с кем-то из тамошних беков и был вынужден перебраться в «алтухи». О себе Шахар рассказывал мало и неохотно, однако какими-то путями в Алтуфьево просочилось, что у него в Эмирате была невеста. И что эту невесту родители отдали другому, более богатому и влиятельному, в связи с чем у Шахара и возник с родной общиной нешуточный раздрай, вынудивший его в конце концов уйти.

Поначалу языкастые алтуховские остряки все интересовались, не собирается ли «злой чечен» вершить кровную месть «по закону гор». Шахар, будучи, вообще-то, ингушом, а не чеченом, на эти провокационные вопросы и литературно-киноведческие подколки лишь хмыкал в бороду и величественно, как истинный мужчина и воин, отмалчивался. А потом однажды выдал надоедам в качестве ответа строчку из старой-престарой песни: «Если к другому уходит невеста – то неизвестно, кому повезло!». На этом расспросы и подколы прекратились.

Шахара в бригаде ценили за его поистине железобетонное терпение, немногословность и умение быть незаметным практически на любой местности. Самые нужные качества для охотника и следопыта!

Его полной противоположностью были двое шумливых приятелей-одногодков, которых немудряще звали Репа и Пакет. Следовало уточнить, что кличка Репа никоим боком не относилась к дарам полей и огородов, а была производным от слова... «рэп». Разменявший пятый десяток Репа пронес трепетную любовь и непоколебимую верность данному

направлению музыки через все года и невзгоды. И теперь время от времени выдавал на-гора цепочки речитативов на тему станционной жизни, жизни Наверху, жизни до войны, жизни соседей из Трэш-сити, приключений на охоте, стычек с местным зверьем...

– Хатуль-мадан⁴ хренов!!! – стонали на станции. – Когда ж ты заткнешься?!

– Что вижу – то пою! – откликнулся на то рэпер и продолжал свои стихотворные эксперименты. Надо сказать, что многие из них были довольно удачными и слушали импровизированные перформансы Репы на не избалованной культмассовыми зрелищами станции все же с удовольствием. А ворчали больше для проформы, когда он уж слишком доставал соседей. Особенно когда начинал – впрочем, тоже довольно талантливо – пародировать обитателей станции, подражать голосам животных и имитировать всякие прочие аудиоэффекты.

Кто, когда и почему впервые назвал главного «любителя-рыболова» бригады Пакета Пакетом – история умалчивает. Возможно, причина появления данного прозвища крылась в маниакальной привычке охотника рассовывать свои вещи по всевозможным мешочкам и пакетикам – видимо, для вящей сохранности и удобства транспортировки. Над Пакетом беззлобно посмеивались. Но никто в бригаде и, пожалуй, на всей станции не умел столь же ловко и эргономично упаковать и увязать вещи или разделанную на куски добычу так, чтобы и нести было не напряжно, и не рассыпалось ничего по дороге – хоть ты прыгай, как психованный кенгуру.

В охотничьей бригаде эти двое «заведовали» интендантской частью, а также – рыболовством. И когда бригада рассаживалась отдохнуть после рейда – вот тут и наступал звездный час дружков-балаболов!

Седьмым и восьмым в бригаде были двое юных стажеров: восемнадцатилетний Кот и пятнадцатилетний О'Хмара. Кот «заболел» профессией охотника, наслушавшись рассказов Умника, а у Марка она была унаследованной: некогда членом бригады Бабая был его отец. И он же с самого детства учил Марка всем премудростям и тонкостям своего ремесла. Так что, когда в январе этого года Хмара погиб, на его место Бабай, посоветовавшись со своими, взял его сына.

Несмотря на юный возраст и статус «молодняка», Кот и О'Хмара были достойной будущей сменой взрослым охотникам. Правда, в силу этого самого возраста и статуса, огнестрела (довольно трудно добываемого и потому недешевого) им пока что не полагалось. Обходились юноши арбалетами, немного переделанными для более мощной и точной стрельбы по живым и порой довольно зубастым мишеням.

Впрочем, вся бригада, помимо стрелкового оружия, всегда имела при себе и холодное. В основном это были копья-рогатины с крепкими древками и разнообразные ножи. Про топор Буля уже говорилось.

...Тихо-тихо, едва ли не на цыпочках, миновали по левой стороне улицы, где дома, Лианозовский ПКЮ. Печально знаменитые в этих местах лианозовские шершни водились, правда, больше по соседству – северо-восточнее, в бывшем лесопитомнике, но обольщаться на их счет никто из охотников не собирался. Сегодня не водятся, а завтра... Тем более – весна, май месяц, они ж, эти твари крылатые, сейчас только-только проснулись и потому злы, голодны и бросаются на все, что шевелится. В общем, если начистоту, то местные охотники – что алтуфьевские, что из Трэш-сити – в лесопитомник и его окрестности в период с мая по октябрь предпочитали не соваться вообще.

Памятуя обо всех прочих сюрпризах и сказках майского леса, ненадолго остановились и тщательно опрыскали одежду и снаряжение «одеколоном» – спиртовой (точнее – самогонной) настойкой болотного багульника. Смазали ею же лица, опустили на них сетки накомарников, проверили, плотно ли прилегают края одежды, не осталось ли открытых мест.

⁴ Хатуль-мадан (*иврит*) – кот ученый. См. одноименную юмореску М. Задорнова.

Майский клещ – конечно, не шершень, зверь хоть и мелкий, но шутить с ним и до Удара не рекомендовалось. А уж тем более сейчас, когда едва ли не любая, даже самая крошечная зверюшка-тварюшка успела обзавестись ранее нехарактерными для нее свойствами и привычками!

– Ну что, все готовы? – окинул своих людей цепким взглядом темных раскосых глаз Бабай. Поправил накомарник, посмотрел на медленно светлеющее небо. – Знач так. Идем прежним порядком, стволы и прочее оружие держим на взводе, головами крутим во все стороны!.. И поаккуратнее вблизи ив и черемухи! Всем ясно?

– Ясно! – вразнобой отозвались охотники и, повинаясь знаку старшего, друг за другом втянулись под зеленые своды Лианозовского лесопарка.

Предупреждение насчет некоторых деревьев и совет держаться от них подальше были не лишними.

И до Удара случалось, что налетали на лесопосадки бабочки так называемой горностаевой моли. Мелкая злобная тварь массово размножалась, откладывала яйца, а в конце мая – начале июня из этих яиц вылезали тощие серые гусеницы. Они едва ли не сплошным шевелящимся ковром облепляли стволы деревьев – в результате чего те потом от корней до макушки, словно войлочными чехлами, затягивались плотной белой паутиной. Для человека эти гусеницы были не опасны... Но зрелище деревьев в паутине и копошащихся в ней мерзких тварей вызывало тошноту и мурашки по коже даже у ко всему привычных бывалых охотников, вынужденных раз за разом проходить мимо этих неаппетитных деталей пейзажа.

К счастью, нашествия горностаевой моли случались не каждый год, да и естественный отбор худо-бедно, но все же делал свое дело. Однако, кому приятно осознавать, что тебе на одежду или – хуже того! – на лицо или за шиворот может свалиться вот такая гадость? И ладно бы одна, но ведь упавшая с ветки гусеница невольно тянула за собой остальных прицепившихся к ней соседок! И уж какие там монстры! Дождь из гусениц – тут и самый отважный и безбашенный отморозок заорет от ужаса, запрыгает дурным зайцем, стремясь стряхнуть с себя эту пакость, и наутек кинется! И не спасут ни крутость, ни авторитет, ни мощная «убервафля» патронов так на «стотыщпиццот». Такова уж человеческая природа – бояться мелких ползающих тварюшек больше всех монстров, вместе взятых.

Ко всему прочему, гусеница, даже одна, могла не только свалиться, а засесть незамеченной в складках куртки или рюкзака и контрабандно проехать на станцию... А древесная моль и ее гусеницы – это ж такие комбайны. Если коры и листьев нет – жрут любую растительную органику типа ткани и бумаги, и даже не совсем органику – случались прецеденты и до Удара! И очищай потом вещи и стены палатки от паутины!

Но самой главной и наисерьезнейшей причиной, по которой от обсиженных тварями деревьев старались держаться подальше, были все те же порождения и их способность скрещиваться и иметь общее потомство с относительно нормальной живностью. Ну, и не только передавать потомству испорченные гены, но и изменять его поведение и пищевые пристрастия. Порой на совершенно нехарактерные и противоположные. И черт их знает, этих гусениц, может, они только притворяются белыми и пушистыми! А на самом деле это уже – детища порождений, от которых теперь ожидать можно всего. В том числе и внезапного нападения!

В этом году бог попустил, нового нашествия то ли не случилось, то ли прохладно пока еще для моли было (начало и середина мая выдались нежаркими). Зато в прошлом году их уже в это время было полно! Настолько, что деревья из-за их паутины напоминали войлочные шары, ходить мимо которых было настоящим испытанием для нервов! Паутина лежала ковром даже вокруг самих деревьев! За прошедший год, конечно, картина несколько изменилась в лучшую сторону, но даже сейчас, пока охотники гуськом шли по сузившейся в одну полосу Череповецкой, вокруг них и над ними предрассветный ветерок то и дело полоскал

грязно-сери-бурые, истрепанные ветрами, дождями и зимними бурями лохмотья прошлогодней паутины.

Бррр, гадость-то какая!..

Поэтому, когда улица вынырнула из-под колышущейся массы ветвей и паутины и снова раздвоилась, а впереди замаячили опоры железной дороги и сооружения платформы Лианозово, все – кто явно, кто про себя – выдохнули с дружным облегчением.

– Вот же твари эти гусеницы, даже шершни их не жрут! – пробурчал кто-то позади Марка. Вслед за этим послышался звук смачного плевка. – Даже птицы! Спрашивается, где справедливость в этом гребаном мире?

По Лианозовскому проезду долго шли вдоль железнодорожных путей, зорко озирая окрестности. Привычно и беззлобно, заведя покосившуюся и изъеденную ржой станционную вывеску платформы «Марк», пошутили на тему «станции имени О'Хмары». Вышли к южному из одноименных прудов и, соблюдая некую давнюю примету, немного постояли на берегу, помолчали. Бабай что-то пошептал по-своему и кинул в воду нарочно припасенный кусок ячменной лепешки. Буквально тут же возле подношения плеснуло, на миг под водой мелькнуло что-то крупное, гулко шлепнуло плоским хвостом... и лепешка исчезла, как и не было ее. Только круги по воде.

– Все, можно идти, – с облегчением вздохнул Бабай. И первым направился в сторону заваленной обломками машин насыпи МКАДа. – Сам Водяной Хозяин показался, угощение взял... Будет путь!

По самой дороге не пошли: место дурное, открытое, густо заваленное автомобильным ломом, ржавеющим тут еще со времен панической эвакуации москвичей в день Удара. Если, не дай бог, чего случится – не вдруг еще и выберешься! К тому же, на соседнем северном Марковском пруду издавна обитала, снисходительно плюя на шум и всю таблицу Менделеева МКАДа, огромная, практически непуганая колония чаек. Эти птички и до Удара отличались особой наглостью и прожорливостью, а уж теперь-то!

Марковские чайки – или мартыны, как по старинке называл их Умник, были настоящим бичом Трэш-сити. Местные полигоны ТБО некогда были их кормовой базой. А поскольку против заложенных предками инстинктов не попрешь, то и теперь потомки годами жировавших на мусорных кучах птиц по привычке стаями налетали на Сор-гору, ища, чем бы поживиться. Они с душераздирающими воплями кружили над поселком, пугали кур, свиней и даже собак, бесцеремонно отгоняя их от кормушек и нагло пожирая все, что в них было. Некоторые нагтели до такой степени, что налетали даже на детей, неосторожно вышедших из дома с какой-нибудь едой. Налетали, как правило, стаяй, сбивали с ног, а потом клевались, отчаянно бранясь и дерясь между собой за каждый кусок. Оказаться в самом эпицентре такой вот птичьей драки за еду даже для взрослого было рискованно, а уж для ребенка – так и вовсе опасно! Эдак еще и глаз можно было лишиться!

Для обитателей поселка на вершине горы тогда наступили горячие времена. К счастью, лес, которым поросла бывшая свалка, не давал крылатым бандиткам особой свободы маневрирования. А вскоре люди, экономя дефицитные патроны, в совершенстве научились владеть луками, арбалетами, пращами и старыми добрыми рогатками. И теперь во время подобных налетов методично прореживали ряды непрошенных захватчиц так, что пух и перья летели. Мясо чаек не было пригодно в пищу людям, но с большой охотой поедалось довольными таким реваншем свиньями и собаками.

Сор-гора замаячила перед охотниками сразу, как только они перебрались через МКАД и прошли между заваленной ржавым хламом дорогой и кромкой леса. Им предстояло дойти до берега канала в прямой видимости от Горы, свернув с Кольцевой на так и не достроенную М-11 – скоростную платную автотрассу, которая должна была соединить Москву и Питер в

обход лежавших на ее пути городов Московской, Тверской, Новгородской и Ленинградской областей. Грянувший Удар поставил на этих грандиозных планах большущий крест – мраморный и с веночком. Хорошо хоть, мост через канал успели худо-бедно навести, и очень хорошо, что он умудрился устоять, не рухнуть в тот злосчастный день 6 июля 2013 года! И теперь хоть в Химкинский лес переправляться можно было, не делая солидный крюк через Левобережную! Ведь в тамошней дубраве, по слухам, такое водилось, что не приведи, господь, увидеть!!! Горностаевая моль, так сказать, нервно курила за сортиром вместе со всеми своими гусеницами и их войлочной паутиной!

Огибая разбросанную тут и там ржавую строительную технику и траченные временем и эрозией бетонные блоки и кучи песка и гравия, бригада приблизилась к юго-западной стороне Сор-горы. Отсюда уходило направо, в разрушенный Долгопрудный, Лихачевское шоссе; по нему местные время от времени добирались с сетями и прочими рыболовными снастями до Котовского залива и Хлебниковского затона. Как и охота, рыболовство в этих местах было довольно экстремальным занятием, но зато давало солидный приварок к скудному рациону обитателей Серого Севера и сопредельных с ним наземных территорий.

От шоссе шел единственный въезд на Сор-гору, когда-то по нему поднимались мусоровозы. Возле ворот еще с довоенных времен стоял двухэтажный красного кирпича домик администрации полигона ТБО. В настоящее время к нему была сделана крепкая бревенчатая пристройка. Здесь жители Трэш-сити, предпочитавшие не пускать никого из чужаков в сам поселок, однажды устроили что-то вроде погранично-таможенного пункта, где и общались с гостями по самым разным поводам.

Предусмотрительность сор-горинцев оказалась весьма к месту. Когда жизнь в округе стала потихоньку налаживаться, у надземных жителей завязались отношения с соседями с ближних станций метро, а позже даже стали ходить караваны из Москвы в область и обратно. Два больших ангара у подножия Горы превратились в караван-сарай с гостиницей и харчевней, где путники могли укрыться от опасностей, отдохнуть, переночевать, подкрепиться местными разносолами, узнать новости и идти дальше по своим торговым или еще каким-нибудь делам. Караваны ходили, правда, редко и крайне нерегулярно, но маршрут их пролегал всегда через эти места – в силу удобства транспортных путей. Трэш-сити следил за тем, чтоб на их отрезке транзита «Москва – область» было более-менее безопасно, обеспечивал караваны – по мере необходимости – проводниками, охранниками и носильщиками и имел с таких вот перемещений по своим землям очень даже неплохой гешефт.

...Отсалютовав маячившему на сторожевой вышке фактории дозорному, Бабай повел своих людей дальше. Частный сектор – СНТ «Нива» – привычное зрелище недостроенной дороги и брошенной техники... А вот и мост через канал!

Глава 4. Жизнь совсем за МКАДом

– Вы там, на той стороне, поосторожнее будьте, мужики! – предупредили соседей караулившие переправу через канал дозорные из Сор-городка. – Морра в лесу завелась!

– Что еще за морра такая? – нахмурился Бабай.

Командир дозора пожал плечами; от его движения чуть колыхнулись полы тяжелого брезентового плаща – традиционной «национальной одежды» обитателей Трэш-сити.

– А хрен ее знает... Мы эту тварь никогда не видели, только ощущали ее присутствие. Как будто на тебя смотрит кто-то... пристально так... будто сожрать примеривается... Жуть просто! – дозорный, крепкий дядька лет шестидесяти, вздрогнул. – Ко всему прочему, еще вдруг такая тоска наваливается – хоть вешайся! В общем, когда морра где-то рядом – это сразу чувствуется. И вот вам мой совет, мужики, если вдруг почуете неладное – тут же берите ноги в руки и ходу оттуда! Нашим охотникам уже доводилось с ней пересекаться... «Двухсотых», слава богу, не случилось, но вот страху парни натерпелись – просто до усрачки! Сюда-то она пока не лезет, но пару раз точно было – приходила и сидела на той стороне моста. Показаться не показалась, но тарасилась так, что аж поджилки тряслись. Вон, видали? – мужчина кивнул на перегораживающую мост баррикаду, сложенную из сушняка. – Только этим от нее и спасаемся. Если запалить – так она переключается на огонь, а вскоре и вовсе уходит.

– Морра страшшслая и ужасслая... – тихо хмыкнул Умник. – Да у вас тут, смотрю, прям сказки про муми-троллей!

Сор-горинец сверкнул на него из-под капюшона защитными очками над самодельным респиратором и с сожалением смерил взглядом с головы до пят:

– Вот и наш Карбид точно так же хмыкал и про сказочки проезжался. А как морру почуял – так драпал чуть ли не впереди планеты всей, а после еще и штаны сушил. Посмотрим, что ты запоешь, Вадик, в подобной ситуации!

– А я не умею петь! – хохотнул Умник. – Мне медведь на ухо наступил. Всеми четырьмя, да еще джигу сплясал... Впрочем, спасибо за предупреждение, – вдруг мигом посерьезнел он. – Будем глядеть в оба.

Каким бы ни был отчаянным народ, живший в «алтухах», но такими вот предупреждениями никто никогда не разбрасывался. Тем более предупреждениями, исходящими от соседей, живших на Поверхности, и эту самую Поверхность знавших куда лучше их, пещерных троглодитов!

Времена не те!

– А все-таки, откуда взялась эта самая морра, не из сказки же, в самом деле? – любопытничал Кот, пихая в бок Марка, чтоб слушал внимательнее и на ус мотал. В силу возраста и, так сказать, цеховой иерархии подросток пока еще не имел права вступать в разговор взрослых охотников без их разрешения. Кот же недавно перешел этот Рубикон – чем немало гордился и форсил перед младшим товарищем.

Дозорный снова пожал плечами:

– Да поди ж ее, паскуду, разбери, откуда она взялась! Тоже, небось, откуда-нибудь приползла, мало ли сейчас всякой швали в округе?.. В честь монстра-то из сказки ее Варвара, наша травница, обозвала – за похожие свойства. Это она с ней первой из наших пересеклась. Даже потом картинку из книжки по памяти нарисовала и нам все показывала. Но вот как эта гребаная морра на самом деле выглядит – как на картинке или нет, – Варька и сама не в курсе. Говорит, некогда проверять было, чесанули они с ее учеником оттуда, как под хвост ужаленные! Но говорит, что не удивится, если эта морра и правда точь-в-точь такая, как в книжке. А материализовалась из чьего-нибудь похмельного бреда!

– Ну, это Варюха загнула, конечно! – покачал головой Бабай. – Как это – материализовалась? Из ничего, что ли? Так не бывает!

– Да очень просто! Про ноосферу и инфополе слышали?

– Сон разума порождает чудовищ... – кивнул Умник. И весело посоветовал: – Вован Сергеич, ты при наших обормотах не слишком-то учеными словами выражайся. Еще решат, что ругаешься, обидятся, полезут морду бить! Конфузу потом в международных отношениях не оберешься!

– Да ну тебя!.. Миротворец ООН нашелся, тоже мне! – отмахнулся сор-горинец.

Алтуховец подмигнул ему и заржал. Эти двое были давними собеседниками и собутыльниками и радовались каждой возможности при встрече попикироваться и порассуждать на какую-нибудь ученую тему.

Переходить широкий – сто с небольшим метров – канал по сильно покореженному, но, слава богу, не рухнувшему мосту, на котором не было ни одного укрытия, чтобы спрятаться в случае опасности с воздуха – удовольствие рискованное и сомнительное. К тому же Марк – рожденный и выросший в подземелье – став охотником, так и не смог окончательно привыкнуть к высоте и иррационально до сих пор ее побаивался. И это сейчас, а что было в самом начале, когда он только-только начал выходить на Поверхность! Смех и ужас! Хмаре в свое время пришлось очень сильно постараться, чтобы приучить сына к подобным местам – пешеходным виадукам, мостам и прочему. Постепенно Марк освоился и даже научился внешне не демонстрировать своего страха высоты... но все равно во всех подобных случаях старался держаться подальше от краев мостов и поближе к их середине. И вообще держаться. За что угодно – лишь бы не сверзиться с этой жуткой высоты и не переломать себе кости или еще хуже того – утонуть!

В бригаде эту его неудобную особенность конечно же мигом раскусили и теперь иногда подтрунивали над ней. Но все же понимали, что от заложенного матушкой-природой никуда не денешься. Рожденный ползать, как говорится, иногда летает. Но все-таки уж – птица гордая: пока не пнешь – не полетит.

– Всем сгрудиться в кучу! – скомандовал при входе на мост Бабай. – Кот, О'Хмара – в середину! Наблюдайте за небом. Остальным – глядеть по сторонам. Оружие проверить!

Защелкали разнообразные оружейные механизмы. Вроде все пучком.

– Двинули!

Марк поудобнее перехватил свой (когда-то отцовский) двухзарядный арбалет и, подавив волнение, сделал несколько шагов по растрескавшемуся и кое-где даже оплавленному или вставшему дыбом покрытию моста. За каналом он до этого бывал уже несколько раз, но вот этот переход всегда заставлял его слегка нервничать.

Бригада ходко двинулась к противоположному концу моста.

Слева слышались крики чаек, суетливо носившихся над одним и тем же местом. Время от времени птицы резко падали вниз и что-то выхватывали из воды. На людей они пока не обращали внимания.

– Охотятся! – хмыкнул, кивнув в их сторону, Буль. – Никак, косяк мигрирует? Интересно, вверх или вниз?..

– Эх, вот помню, до войны рыбачил я как-то на Селигере... – начал было Пакет, ностальгически прижмурив глаза.

– Пакет, дорогой, заткнись, да? – вкрадчиво попросил Шахар. – Мы сейчас на охоту идем, а не на рыбалку, понимать надо!

– Тихо вы! – шикнул Бабай. – Раскаркались! Дома байки про «до войны» травить будете! Пакет, ну вот сколько раз...

– Хьюстон, кажись, у нас проблемы! – перебил его глазастый Репа и протянул татуированную руку, указывая в сторону высоток Левобережной, торчащих над лесом, словно осколки выбитых зубов. – Видите?

В самом деле, с юга к ним очень быстро приближались, увеличиваясь в размерах, темные точки – навскидку десятка два.

– С-сука, гарпии! – прошипел Буль. Он немедленно вложил в рот пальцы, оглушительно свистнул и замахал руками выскочившим из своего КПП охранникам моста. Те, узрев надвигающуюся угрозу, сноровисто похватили оружие и тоже заняли боевые позиции за нарочно для подобных случаев устроенным солидным бруствером из мешков с песком.

Гарпии были одним из примеров того, какими бывали потомки обычной живности и порождений. Исходно в их предках явно отметились какие-то крупные летучие хищности – не то вороны, не то ястребы, а может, и все те же чайки... То, что получилось из их потомков спустя несколько поколений, представляло собой зрелище, внушающее нешуточное уважение и опаску.

Размах крыльев – в среднем метра два с полтиной, сами – примерно с южноамериканского кондора. Крепкие клювы, острые когти и жесткое, словно накрахмаленное, маховое и хвостовое оперение, способное – если такая вот птичка вдруг черканет крылом или краем хвоста по незащищенной коже – и до крови порезать... и счастье, если черканет не по шее!

И, несмотря на габариты, – необычайная верткость и маневренность в полете.

Действовать «птички» предпочитали стаяй, проявляя во время налетов удивительную слаженность и даже некоторое хитроумие. К величайшему счастью людей, метать свои перья-стилеты в противника – подобно мифологическим стимфалидам – гарпии, однако, не умели. А то бы от них вообще спасу не было!

Как назло, появление гарпий застало бригаду практически на середине моста. Ни тебе обратно за это время не успеть вернуться, ни оставшуюся половину пересечь. Стоящая или движущаяся фигура – отличная цель для пикирующего пернатого хищника. Поднять в одиночку взрослого мужчину гарпия, конечно, не могла – строение лап не позволяло, но, налетая кучей, твари старались нанести жертве как можно больше ран, полосую и терзая ее своими когтями и клювами. Случалось, выдирали целые куски плоти, оставляя страшные, долго не заживающие и часто гноящиеся раны.

Оставалось одно – занимать позиции и драться.

– К бою! – скомандовал Бабай.

Методы борьбы с летучей нечистью в этих краях были уже отработаны до мелочей, поэтому каждый в бригаде знал, где ему быть и что делать. Охотники сноровисто рассыпались, кто куда, и укрылись – кто за останками строительной техники, кто залег за бордюром дороги, над которым дополнительным заслоном все еще щерилась стальная арматура временного ограждения. Конечно, за прошедшие годы она сильно пострадала, но с размаху напороться на острую арматуру рискувала любая из летящих хищниц.

Скоро стал слышен характерный шелестящий «металлический» свист, с которым жесткие крылья гарпий рассекали воздух. Внизу всполошились и загалдели чайки, которых оторвали от охоты. К гарпиям они питали, как выражался Умник, «незамутненную классово-видовую ненависть», поэтому появлением их были раздосадованы и обозлены, пожалуй, не меньше людей. А то и больше. Белая туча взвилась в воздух и заметалась над волнами.

На несколько мгновений гарпии сбились с курса и притормозили, кружа на одном месте и хлопая крыльями – видимо, решали, кем лучше заняться, чайками или людьми. Но чаек было раза в два больше, а людей – раза в два меньше, и они выглядели такими беззащитными на огромной и относительно ровной площадке моста!..

Наконец, головная гарпия приняла, видимо, решение и повернула в сторону моста, заходя на атаку. Остальные ринулись за ней, предвкушая пиршество.

– Огонь! – рявкнул Бабай.

Грохнул слаженный залп из автоматов, охотничьих карабинов и двустволок взрослых охотников, звонко чпэнькнули тетивы арбалетов О'Хмары и Кота. Несколько гарпий, выхваченные из стаи этим залпом, кувыркаясь и теряя перья, с пронзительным визгом полетели вниз. Буквально тут же на них набросились взбаламученные и обозленные чайки.

– Ай да чаечки! – прокричал Кот, снова спуская тетиву. – Есть!!!

– Ча-чах! – отработал по новой цели арбалет Марка. Первая стрела ушла «в молоко» – верткая тварь умудрилась в последний момент заложить поистине головоломный вираж, но зато вторая достигла цели. Подранок заверещал от боли и ярости и, дергано кувыркаясь, канул вниз. Тут же на него напали, даже не дав плюхнуться в воду, «классовые враги», и – полетели клочки по закоулочкам!

Еще несколько подбитых охотниками гарпий рухнули на мост. Одну из них Умник метким форвардским «пыром» отправил «за борт». В ответ, словно на стадионе во время решающего матча Кубка мира по футболу, раздался дружный вопль обрадованных столь метким «голом» чаек.

– Мужики! – весело заорал охотник. – Как вам идеяка – продать в Трэш-сити ноу-хау: прикормить мартынов, чтоб они им этих тварей от поселка отгоняли? Все равно ведь мартины почти все время на Сор-горе ошиваются!

– Умник, вали ты знаешь куда со своими ноу-хау?! – оскалился Пакет, выцеливая очередную хищницу. – Нашел время!

Позади тоже слышались хлопки выстрелов, вопли гарпий и отчаянный мат. Это охрана моста отстреливала отбившихся от основной стаи.

– Йоу, мазафака!!! – Репа сноровисто перекатился на спину и дал от живота короткую очередь вверх и по косой. Пикирующая на него тварь захлебнулась криком, шарахнулась и врезалась в уклоняющуюся в это время от выстрела О'Хмары товарку. Обе гарпии невольно сцепились когтями и рухнули на мост, бешено дергаясь и душераздирающе визжа.

– Добивай! Добивай!

Взлетел в руках Буля знаменитый топор – раз, другой. Сочно чмякнуло, брызнуло на дорогу багровым и горячим, и визги тварей оборвались на высокой ноте.

– Отлетались птички! – прокомментировал здоровяк, по примеру Умника расчетливыми и точными пинками отправляя обезглавленные тушки противников в воду.

– Дубль! – одобрил Пакет и показал товарищу большой палец. – Девять – ноль в нашу пользу!

– Эй, гляньте! – вдруг замахал старшим Кот, привлекая их внимание. – Кажись, мартины за них всерьез взялись!

И верно! Разъяренные вторжением «классового врага» и сообразившие, что сила и количество теперь на их стороне, чайки вдруг скопом накинлись на оставшихся гарпий. Во все стороны полетели черные и белые перья, поднялся невообразимый хай.

– Валим!!! – первым опомнился бригадир. – Им сейчас не до нас будет! Пацанва – в середину, Пакет, Репа – прикрываете фланги! Буль, Шахар – тылы! Умник – со мной! Ходу, мужики, хо-оду, бляха-муха!!!

Бригада, молниеносно сгруппировавшись в новый походно-боевой порядок, дружно кинулась к правому берегу канала, огибая и перепрыгивая препятствия. Соседи с левого прикрыли их, срезав метнувшуюся было за ними гарпию. Буль издал гортанный индейский вопль, коротко салютнул им топором и кинулся догонять своих.

Остаток моста преодолели без потерь и в чашу на берегу вломились, как стадо бешеных носорогов.

– Ффу-у-у-блин, мазафака!.. – простонал Репа, стаскивая шляпу с накомарником и обмахиваясь ею, как веером. – Бодрячком денек начинается!.. Бабай, че ты там бухтел у прудов насчет того, что «путь будет»?

– Ну, так отмахались же! – не купился на провокацию бригадир. – И никому пока жопы не надрали. Отдых полчаса, – тут же распорядился он. – Все проверить, перезарядить, подлатать... Репа, про клещей забыл?

– Ща надену! – успокоил его охотник. Закончил обмахиваться, вытер лицо шляпой и снова нахлобучил ее на голову.

Марк неторопливо пересчитал оставшиеся в туле болты. Неплохо, неплохо. В прошлый раз попаданий было меньше, и в целом стрел ушло гораздо больше. «Растешь, О'Х-мара», – поздравил он сам себя мысленно.

Полчаса, отведенные для отдыха, вскоре истекли. Успокоились в лесу и в одичавших садах покинутого людьми Старбеево взволнованные звуками боя на мосту птицы снова завели свои нескончаемые песни.

Выждав еще немного, Бабай поднялся.

– Выдвигаемся!

Глава 5. Морра

Обратно не шли – бежали! Неслись, летели, как курьерский поезд, невзирая на довольно тяжелую и громоздкую, затрудняющую продвижение ношу – волокушу с разделанной лосиной тушей и... Пакета, безжизненно свисающего с плеча Буля. Бабай, Шахар и Умник тащили волокушу, Кот с О'Хмарой помогали им, придерживая груз, Репа прикрывал их всех. Буль с ношей на плече боевым слонем Ганнибала неся впереди, прокладывая дорогу и задавая направление и скорость.

...Сохатого подстрелили километрах в трех от моста, рядом с когда-то вырубленной под строящуюся дорогу, а ныне заросшей молодняком просекой. Молодой бык стоял по колено в небольшом круглом болотце и увлеченно хрумкал стеблями и листьями каких-то водяных растений. Он даже не успел выбраться на берег.

– Вот это сvezло, вот это удача! – радовался Бабай. – Не зря Хозяин показывался, ай, не зря!

Теперь, в общем-то, не было смысла идти на принадлежащую алтуфьевцам «солянку» – нарочно устроенный и время от времени обновляемый искусственный солончак для приманивания охочих до лакомого копытных. Идти и сидеть там, в тишине и неподвижности, ожидая, не вздумается ли кому-нибудь из них прийти, чтобы полизать пропитанную крепким рассолом землю. Туши одного быка – при общем котле и экономном распределении мяса – хватит станции примерно на неделю. За это время охотники успеют добыть еще что-нибудь. Следовало бы побыстрее доставить бычка на станцию и отправить на ледник: лосятина уже через несколько часов теряла свои вкусовые качества, становилась дряблой и начинала отдавать не то серой, не то хвоей. Тем более что и погода сегодня – не в пример недавним дням – стояла погожая и почти по-летнему жаркая. Промедлишь больше, чем нужно, – и все, испортится мясо!

Оттащив добычу подальше от болота (чтобы не отпугнуть запахами крови и смерти других животных, что будут сюда приходить потом), охотники начали сноровисто ее свежевать и разделывать. Между делом с удовольствием накромсали и пожевали полосок сырого, еще теплого мяса: проблема авитаминоза и сопутствующих ему болячек типа цинги была бичом, пожалуй, всего метро, за исключением тех, кто находил какие-то новые способы с ними бороться.

В Алтуфьево (и в целом на Сером Севере), что такое цинга, не знали уже достаточно давно. И все благодаря пресловутым природным дарам и... выработанной небрежливости жителей, с которой они этими самыми дарами пользовались.

Хрустели и перемалывались на крепких зубах крупные кристаллики серой соли, сочно чвакало и расплывалось на языке темно-красное парное мясо, пряной острой нотой прихотливо вплетался привкус высушенных и растертых в порошок трав. Называемую на местном жаргоне «спайсом» смесь соли и местнорастущих незамысловатых специй типа укропа, дикого чеснока и горчицы каждый алтуфьевец всегда носил при себе в аккуратном кисете.

Хорошо-то как!..

Перекусив, сменили часовых (вынужденная необходимость в сегодняшних реалиях), соорудили из толстых еловых лап волокушу и стали грузить на нее увязанное в свежеснятую шкуру и мешки мясо и кое-что из требухи, что годилось в еду или на переработку. Между делом сгоняли молодежь – О'Хмару и Кота – на все то же болотце за водой. Пока возились с добычей, пока грузились, умывались, перекусывали и приводили в порядок снаряжение и одежду – солнце, часа два как перевалившее зенит, стало неторопливо клониться к закату. Потянуло прохладным ветерком, а тени от деревьев и поросших травой и кустами куч строительных материалов на просеке переползли на противоположную сторону.

Первым почуял неладное отошедший «по делу» Репа. Он как-то уж очень долго возился в кустах, пыхтел, несколько раз менял дислокацию, а затем не выдержал:

– Мужики, мазафака, хорош на меня пялиться! Дайте погадить спокойно!

– Да кому ты там на хрен нужен, пялиться на тебя? – удивился Буль. – Че мы там у тебя не видели?

Репа еще немного повозился в кустах, поворчал и затих. Но через некоторое время раздалось по новой:

– Мужики, ну это уже не смешно! Кончайте шутить, а?

– Да е-мое, Репа! – не выдержал Умник. – Сидим себе спокойно, никого не трогаем, починаем примус... Гадь себе на здоровье, хоть все кусты завали – только не в нашу сторону, пожалуйста!

– Ага, и гляди, чтоб тебя за жопу никто не ухватил! – поддержал Пакет. – Или еще за чего интересное. А то подползет какая-нибудь неведома зверюшка и ка-ак...

– Блин, мужики, ну хорош!!! – взвыли за кустами. – Тут реально кто-то есть! И смотрит!..

Репа поспешно выбрался из кустов, пытаясь одной рукой на ходу застегнуть штаны. Другой он придерживал автомат. Без оружия люди теперь даже до ветру не ходили.

– Тут реально кто-то есть! – повторил он, настороженно озираясь.

Бригада разом умолкла, оставив смешки и подначки. Все тут же вспомнили предупреждение соседей.

– Говоришь, смотрит? – протянул Бабай, придвигая поближе свою «Сайгу».

– Птицы! – вдруг встрепенулся Шахар и резко развернулся в ту сторону, где перед этим возился в кустах Репа.

С краю заросшей, но все еще заметной просеки, метрах в трехстах от стоянки охотников взмыли ввысь и с тревожным ором заметались над деревьями птицы. Кто-то испугнул их, и теперь, судя по тому, как все ближе и ближе начинался переполох среди пернатых, этот «кто-то» двигался в сторону стоянки. Двигался медленно, но целеустремленно.

– Как думаете, мужики, сторожа на мосту точно не гнали про эту морру, или как там ее? – вполголоса осведомился подобранный Буль. Рука его непроизвольно стиснула верный топор.

– Морра там или не морра, – не отрывая напряженного взгляда от мечущихся птиц, отозвался Бабай, – но давайте-ка и правда последуем доброму совету соседей и уберемся отсюда на фиг побыстрее!

Внезапно Пакет, уже метнувшийся было проверить узлы на поклаже, вздрогнул, покачнулся...

– Не понял... – пробормотал он, делая непроизвольный шаг назад. А потом вдруг со стоном обхватил голову руками и надломленно рухнул на колени. – А-а-а-а, с-сука... – услышали охотники. – Че за... Светка... это ты? – он вдруг замер и уставился прямо перед собой, видя что-то, незримое для остальных. – Светка, послушай, я же... я не успел!.. Прости меня!.. Прости... Светка... Я не успел!..

И тут на глазах остолбеневших от изумления товарищей Пакет согнулся в три погибели и с рыданиями начал биться головой о землю.

– Чет и мне тоже как-то не по себе... – через пару-тройку секунд пробормотал Репа, морщась и потирая виски. – Мазафака...

– Боюсь, что про морру – это был не гон! – более тертый жизнью и потому более «толстокожий» Бабай окинул быстрым оценивающим взглядом остальных. – Стопудово валить надо! Мужики... Эй, вы чего?

По обычно невозмутимому, а теперь словно закаменевшему лицу Шахара потекли слезы, Буль выглядел – словно любимого брата схоронил. Умник что-то шептал, глядя перед собой остановившимся, мертвым взглядом. Оба стажера вообще скорчились возле волокуши, причем Кот уже всхлипывал, а О'Хмара, бессильно запрокинув белое, почти бескровное лицо к небу, изо всех сил тер правую сторону лба. У парня снова начались эти его головные боли, о которых бригадир был в курсе.

– Так, народ! – рявкнул он, изо всех сил пытаясь подавить ощущение чернейшей тоски и безнадёги, что неукротимо наваливалось на него откуда-то извне. – Харэ мне тут медузами растекаться! Встали, встали! Мужики вы или где? Пакет, хорош выть, будто тебе яйца отрезали! Буль, встряхни его и сам встряхнись! Кот, О'Хмара, если вы сейчас же не придете в себя, этот рейд станет последним в вашей охотничьей карьере! Шахар, Умник, соберитесь, мать вашу! Я один, что ли, эту хрень поволоку? Давайте-давайте, очухивайтесь!

Крича во всю глотку и раздавая пинки и тычки, Бабай метался от одного охотника к другому, и понемногу его «терапия» возымела эффект: народ встрепенулся и малость ожил. Шахар и Умник первыми впряглись в волокушу, всхлипывающие стажеры заняли привычные места позади поклажи, чтобы придерживать ее на поворотах. Остальные рассредоточились вокруг – все, кроме Пакета. Тот продолжал скулить и ползать по земле.

– Буль! – гаркнул бригадир, показывая здоровяку на истерящего и все призывающего неведомую Светку простить его коллегу. – Займись!

Буль шагнул к извивающемуся в пыли телу и уже протянул руку, чтобы схватить Пакета за шиворот и как следует встряхнуть, но тот вдруг сам резко поднялся. В руке его, словно сам собой, возник карабин, ствол которого Пакет упер себе в ямку между шеей и подбородком.

– Светка... прости... – прошептал он одними губами.

Сухой щелчок осечки прозвучал громче выстрела. Спустя еще мгновение Буль ударом ноги выбил оружие из рук товарища.

Следующим ударом – на этот раз кулака – он отправил несостоявшегося самоубийцу в нокаут.

– И проблем меньше! – пробурчал бывший «браток», привычно потирая намозоленные костяшки.

– Сам его теперь и потащишь! – предупредил Бабай, подпрягаясь к остальным «лошадкам». – Дуй вперед, будешь задавать направление и скорость. Репа, паси тылы и постарайся, чтобы никто не добрался до наших задниц! Пацанва, не раскисать! Все, взяли-потащили!..

Мост пролетели, можно сказать, на крейсерской скорости, крича издалека охранникам, чтобы готовились встречать следующих по пятам бригады неведомых дорогих гостей. Или гостей?..

Отчаянно молясь, чтобы снова, по закону подлости, не прилетела какая-нибудь хищная дрянь, миновали место давешней битвы с гарпиями, о которой теперь напоминали только бурые кляксы на дорожном покрытии да редкие, прилипшие к ним черные перья разного размера. Сор-горинцы уже спешно освобождали проход в защитном валу, растаскивая в стороны особо крупные ветки и жерди.

Вломились на безопасную территорию, как стадо кабанов в дубраву. Волокушу затащили за бруствер и охранную будку, и алтуфьевцы тут же повалились на землю, кто где. Буль едва успел сгрузить уже слегка пришедшего в себя Пакета.

– Чего там? – спросил начальник заставы, вглядываясь в противоположный берег, над которым уже тучами носились истошно орущие птицы. Его люди спешно заделывали брешь в баррикаде.

– Морра... – выдавил Бабай, пытаясь отдышаться. Возраст все же брал свое. – Кажись, ты был прав, Сергеич... Фонит, паскуда... Тоску нагоняет, что аж выть охота!.. Пакет из-за нее чуть не застрелился!..

– Вона как!.. – пограничник присвистнул. – А ведь она, кажись, за вами увязалась!

Вместо ответа алтуфьевец дернулся, судорожно перехватил карабин и бросил обеспокоенный взгляд в сторону противоположного берега.

– Бабай, там у О'Хмары кровь носом пошла, – сообщил вышедший из-за будки Умник. – Но он говорит, что ему от этого даже немного легче стало, голова уже не так болит. Перенапрягся парень, все-таки зеленоват он еще для таких экстремальных приключений.

– Пусть привыкает! – отмахнулся бригадир. – А что легче стало – это хорошо. Зови-ка остальных, кто на ногах. Кажись, наша гостья скоро припожалует! Будем устраивать теплую встречу с ковром и оркестром!

Умник кивнул и скрылся за постройкой. Через пару минут оттуда один за другим торопливо вышли все остальные члены бригады.

– Бабай... – хмуро и виновато пробормотал Пакет, потирая наливающуюся багровым скулу. – Ты это... извини... Как-то так накрыло, что...

– Проехали! – оборвал его бригадир. – Но если еще раз накроет – чур, на Буля не обижаться!

Пакет криво и вымученно усмехнулся и кивнул.

– О'Хмара, а ты чего подорвался? – переключил бригадир внимание на самого младшего в команде. – Тебе сейчас лежать надо с холодной тряпкой на морде и не жужжать!

Марк был по-прежнему бледен, на щеке и губах размазалась кровь, но вид у подростка был решительный и упрямый.

– Да все уже в порядке со мной, бригадир! – слегка в нос сказал он, отняв от переносицы мокрую, в красных пятнах, тряпицу, заменявшую ему носовой платок. – А если опять будет не в порядке то я просто упаду куда-нибудь в канаву и не буду мешаться и отсвечивать. Разрешите мне остаться?

Бабай окинул его пристальным взглядом. Упорство и стойкость мальчишки импонировали ему, но людей следовало беречь.

– Хрен с тобой, – наконец кивнул бригадир. – Оставайся. Но если что – погоню в тылы без пощады и жалости! Кот, пригляди за ним!

Старший из стажеров коротко кивнул и, скорчив страшную рожу, погрозил младшему кулаком. Тот ответил в том же духе – показал средний палец и пренебрежительно отвернулся.

Между тем птичий переполох на правом берегу усилился и приблизился почти к самому мосту. Птицы словно бы в ужасе разлетались от кого-то, пока незримого для людей, но не оставляющего упорного намерения добраться до реки.

– Внимание! – тихо приказал своим Сергеич.

Дозорные и охотники рассредоточились за бруствером. Все взгляды устремились к противоположному берегу.

За двадцать лет безлюдья просека под несостоявшуюся М-11 и улочки прилегающего к ней поселка Старбеево заросли кустарником и молодыми деревцами. Разрослись и заматерели и садовые деревья на брошенных приусадебных участках. Но тем не менее оставались еще признаки того, что в эти места когда-то ступала нога человека. И не просто ступала, но и по-хозяйски проходила тут.

Чуть колыхнулись кусты на краю просеки; движение ветвей продолжилось ближе, ближе... Как будто сквозь поросль к берегу пробирался кто-то живой и довольно крупный.

– Парни, вы кого-нибудь видите? – шепотом осведомился Бабай.

– Никого, – так же шепотом откликнулся Буль. Бывший «браток» был в бригаде самым внимательным и дотошным ко всякого рода мелочам. – Фигня какая-то... И фонить снова начинает...

Шевеление в кустах вдруг прекратилось, но люди так пока что никого и не увидели.

– Смотрите! – вдруг вскинулся один из дозорных. – Вон там, где бочки!

На какой-то миг всем почудилось, что перед указанными бочками слегка поплыл, замерцал рябью воздух. Как летом, в жару, когда от раскаленного песка или асфальта поднимаются горячие токи, искажая видимость и создавая миражи. И еще сильнее и явственнее стала ощущаться засевшими на левом берегу людьми тяжкая, давящая на мозг эманация боли, тоски и жуткой, беспросветной безнадёги.

– Как в кино «Хищник», там тоже воздух так переливался, когда он в «стеллсе» шел... – прошептал Умник, нервно стискивая двустволку. И поморщился: эманации неведомой сущности действовали на него все сильнее.

– С-сволочь... – болезненно прошипел кто-то слева от Марка. – Тварюга! По мозгам так и лупит!..

А мерцающий сгусток воздуха уже двигался по мосту. Неспешно, но все так же целеустремленно распространяя вокруг себя черную, сводящую с ума ауру.

Лязгнули предохранители.

– Не стрелять!!! – страшным шепотом прокричал Сергеич. И пояснил: – А ну как она в качестве ответа шархнет по нам со всей дури? И будем тут ползать... как безмозглые гусеницы... У нас свои методы. Зажигай, Андрюх! – кивнул он одному из бойцов. Тот уже держал наготове кресало и обмотанную ветошью палку. От ветоши исходил тяжелый дух уже много лет как прогорклого растительного масла.

Вспыхнул импровизированный факел, очертил слепяще-яркий полукруг, падая чуть дальше перегораживающей мост кучи хвороста – дозорный промахнулся. Но все вдруг увидели, как отпрянувшая прочь от летящего огня мерцающая тень на какой-то миг, всего на миг обрела очертания.

– Да чтоб меня! – охнул Буль. – Это же волк!!!

– Собака, – машинально поправил Бабай, не отрывая взгляда от неожиданного явления. – На шерсть и хвост посмотри!

В какой-то момент пламя факела и упавшие на мост лучи вышедшего из-за облачка солнца отразились от чего-то блестящего и вдруг проявили из воздуха четкую фигуру огромного – в холке ростом почти со взрослого мужчину – зверя с черной, плотно прилегающей к телу лоснящейся шерстью. Острые уши, вытянутая зубастая морда, загнутый крюком хвост... И глаза, глаза... Круглые, горящие не то отсветом пламени, не то собственным огнем – кроваво-красным, как зарево пожара, и столь же пугающим, затягивающим...

Настоящая адская гончая, какими их представляли в старинных легендах! Только вот по чью грешную душу она пришла в эти края?..

– Андрюха, мать твою, заснул?! Вторую кидай, мазила!!! – раздался вопль, заставивший всех очнуться от наваждения.

Второй факел попал куда надо. Куча хвороста вспыхнула почти сразу (видимо, и ее полили какой-то немудрящей «горючкой»), дохнув в небо жирным черным дымом.

Но на мосту, к удивлению людей, уже никого не было. Ни мерцающего миража, ни жуткого зверя, появившегося из него, как картинка на календарике-переливашке. Да и ощущение депрессии вдруг пропало – разом, как выключили.

Никого и ничего. Словно почудилось всем.

– Мазафака... – вытер пот Репа и озабоченно посмотрел на приятеля: вдруг тому снова худо? Но нет, Пакет вроде бы держался.

– Вот так и живем, – эхом откликнулся командир заставы. – Морра приходит, проверяет нас на вшивость... и уходит, стоит только костер запалить. И как долго это еще будет продолжаться – неизвестно.

Он вдруг ухмыльнулся и ткнул пальцем в сторону правого берега:

– Но, правда, мы теперь хоть знаем, что она собой представляет и как выглядит!

Глава 6. Осуществляя задуманное

На обратном пути, уже после того, как бригада пересекла МКАД, Марк вдруг остановился и озабоченно захлопал себя по бокам.

– Ты чего? – спросили его.

– Нож потерял! – лицо подростка приобрело растерянное и расстроенное выражение. – Наверно, когда бежали, или у моста...

– Ну и плюнь! – посоветовал Репа, отличавшийся поразительной легкостью и нестяжательством в отношении вещей.

– Это ты плюй! – слегка нервозно огрызнулся Марк. – А я не могу! Нож-то отцовский! Отец подарил перед первой охотой!

Репа притих, а остальные понимающе закивали. Всем им было прекрасно известно, как чуть ли не боготворил О'Хмара погибшего отца и всякую память о нем. И как трепетно относился ко всем оставшимся после него вещам – особенно к перешедшему по наследству охотничьему снаряжению и оружию.

– Бригадир... – умоляющие глаза подростка обратились к Бабаю. – Это же отцов нож, я не могу... не могу его так оставить!.. Может, я быстренько добежу до моста, проверю, а? Я помню, что вытаскивал его там, у будки, перед тем, как морра пришла... Вдруг он и сейчас там валяется? Бригадир, пожалуйста!..

Бабай с сомнением пожевал губами. Мальчишки в Алтуфьево выросли быстро, причем – в самых что ни есть спартанских условиях. То есть, не сказать, что их хладнокровно и цинично швыряли в жизнь, как щенков в воду за шкирятник – выживет или потонет? Но и особо над ними – в отличие от немногочисленных и потому куда более ценных для будущего общины девочек – никто не трясся. Неписанные законы алтуфьевской вольницы вынуждали юных мужчин, будущую силу и опору станции, с младых ногтей проявлять все самые необходимые для выживания и конкуренции навыки. Сумел выкарабкаться из кучи таких же, как ты, щенков и доказать всем, что ты не рохля, не никчемный неумейка и плакса – молодец, займи надлежащее место в стае среди взрослых и зубастых. Не сумел – отправляйся на самую низшую ступень местной иерархии. Или вообще сдохни, ибо кому ты здесь такой нужен?

Нормальный, как говорится, естественный отбор.

О'Хмара, несмотря на юные годы, уже несколько раз выходил в самостоятельные рейды, но недалеко от станции и ненадолго. И всегда возвращался целым и невредимым. Да и в совместных рейдах подросток уже успел показать себя, несмотря на упрямый и временами взрывной нрав, достаточно осторожным, хладнокровным и умеющим просчитывать свои действия членом команды. Сегодняшнее приключение с моррой, подействовавшее на Марка не самым лучшим образом, выявило в нем также и почти что взрослую стойкость духа и физическую выносливость.

Но настолько далеко Бабай еще не отпускал своего самого юного охотника: как командир, он нес за него ответственность, и потому пока вполне резонно опасался посылать его в дальние рейды одного. Все-таки не довоенные времена, когда зверье было нормальным зверьем, а растительность – обычной растительностью, а не хрен знает чем с замашками взбесившихся венериных мухоловок!

– Сор-гора же – вон она, видна! – продолжал Марк, кивая в сторону северо-запада, где за поросшим кустарником пустырем возвышалась цитадель соседей. – И вышки их сторожевые – тоже. Наверняка с них далеко видать, если вдруг чего – так дозорные увидят, помогут...

Действительно, когда сор-горинцы начали основательно обустраиваться на вершине бывшей свалки, они подошли к вопросу охраны своих владений очень серьезно и ответственно. Мало того, что они продлили, надстроили в высоту и ширину и оплели «колючкой» железный забор, что до войны уже охватывал с трех сторон ровную площадку у основания мусорного холма. По периметру этой ограды, в самых стратегически важных местах, расставили сторожевые вышки. Более того, такие вышки появились и на вершине самой Горы – там, где ровное, почти треугольное плато обрывалось крутыми, поросшими лесом и кустарником склонами. Одна вышка торчала на северо-восточном углу этого «треугольника», со стороны бывшего Долгопрудненского кладбища, другая – на южном, и с этих верхних точек гораздо лучше просматривались близлежащие окрестности Горы.

Таким образом, существовала очень даже реальная вероятность, что подростку удастся – под присмотром соседей – сбегать туда-обратно за своим драгоценным ножом и не нарваться при этом на приключения.

Марк смотрел на бригадира умоляющими глазами и нетерпеливо кусал губы. И тот решил.

– Хорошо, – кивнул он. – Иди. Но чтоб кроме как до моста и обратно, больше никуда! И постарайся вернуться на станцию до темноты! Понял?

– Понял! – кивнул подросток, а сам потихоньку скрестил пальцы.

– Ждать тебя мы не можем – лосятина испортится. Сумеешь нагнать нас по дороге – очень хорошо. Не сумеешь – условный стук в герму знаешь. Я предупрежу шлюзовых.

– Хорошо.

– И еще: прошу, нет – требую! Будь предельно осторожен! Я не хотел бы потерять еще одного члена команды!

Подросток вспыхнул, польщенный – его сочли полноправным членом бригады. И его не хотели терять!

«Я ненадолго! – мысленно успокоил он Бабая. – Только доберусь до поселка, увижусь с мамой – и обратно! Честно-пречестно!»

– Я буду очень осторожен! – крайне серьезно сказал он вслух.

Бабай кивнул и махнул рукой: мол, давай уже, иди, не теряй времени!

Отсалютовав товарищам на военный манер (насмотрелся у кое-кого из старших), Марк подтянул ремень висящего за спиной арбалета и почти бегом кинулся назад, в сторону недостроенной развязки на Лихачевском шоссе.

Впрочем, как только густо разросшиеся на пустыре куртины и удлинившиеся тени от них скрыли его от глаз бригады, юноша остановился, чтобы как следует оценить обстановку и возможные опасности. Он засел за одним из кустов и внимательно оглядел южную окрестность Сор-горы. Деревья, которыми порос мусорный холм, еще не везде вымахали до надлежащей высоты, поэтому сторожевая вышка соседей, находившаяся на этом крае плато, была видна сквозь стволы и ветви достаточно неплохо. На вышке маячила черная фигурка закутанного в плащ дозорного. Наверняка у них там и бинокль имелся!

Теперь перед Марком стояла задача, как бы так хитренько протараканить к восточному подножью Горы, чтобы с вышки не заметили его передвижений. Он решил не тратить времени на попытки проникнуть в Сор-городок через факторию – все равно ведь остановят: сор-горинцы жестко соблюдали однажды принятое решение не пускать к себе в поселок никого из посторонних. Даже соседей-алтуфьевцев, с которыми они некогда вусмерть грызлись, а потом – замирились.

Зная об этих особенностях национального гостеприимства соседей, Марк с самого начала, когда еще планировал эту вылазку, решил, что поднимется на Сор-гору скрытно, по восточному склону. Холм с этой стороны был достаточно крутым, почти неприступным и к тому же заросшим практически непролазным кустарником и древесным молодняком.

Поэтому соседи особо и не беспокоились насчет ее охраны. Нет, время от времени они все же обходили дозором владенья свои – на всякий случай. Но, кажется, вполне резонно считали, что мало какому идиоту придет в голову идея совершать альпинистское восхождение на холм с этой стороны. Да и, собственно говоря, зачем? Времена лихих набегов алтуховцев за добром и женщинами отошли в прошлое с полтора десятка лет назад. (К слову – одним из последних был как раз тот самый беспримерный по своей дерзости одиночный рейд, во время которого отец Марка и добыл себе будущую жену.) Но не потому, что вдруг перевелись лихие джигиты на самой буйной станции Серого Севера. Просто потому, что две общины однажды как-то сумели найти общий язык и потихоньку пришли к замирению и даже некоторому сотрудничеству. А огорчать достаточно сильных, влиятельных и богатых союзников не было резона даже таким отвязным ребятам, как алтуховцы.

От всяких же летающих, ползающих и прочих тварей жителям Сор-городка проще и эффективнее было обороняться, укрывшись за огораживающим поселок высоким и прочным частоколом из вплотную вкопанных в землю бревен с остро затесанными верхушками. Как во времена средневековья.

Из рассказов отца про тот самый его достопамятный рейд Марк помнил, что Хмара поднимался на Гору не абы где, а в определенном месте у восточного подножья. Некогда там располагался перенесенный позже на саму гору поселок беженцев из затопленного бункера. И во времена строительных работ наверху, от старой локации для удобства подъема рабочих, воды, строительных и прочих материалов была проложена просека. Она, как утверждал незадолго до своей гибели отец, и до сих пор там еще прослеживалась среди зарослей. Только сейчас ею уже никто не пользовался – ни хозяева, ни чужаки. Все знали: незваных гостей сор-горинцы в момент выметут прочь, как тараканов с кухни. Да потом еще и откажутся иметь с ними всякие коммерческие дела. А кому охота в такое непростое время остаться без поставок того, что могло расти и культивироваться только на Поверхности – к примеру, ячменя, картофеля или табака-самосада – или очутиться в этих землях без умелых и толковых проводников, носильщиков и охранников для караванов? Никому. Вот и не сошались ни соседи, ни заходящие чужаки – кто был в курсе – на Сор-гору окольными путями и с недобрыми намерениями. Потому что себе дороже! Трэш-сити крепко сидел на, пожалуй, самом безопасном участке транзита «Москва – область – Москва» и удобной переправе через канал. И безопасность эта – вместе с удобством – была целиком заслугой самого Трэш-сити. И все это хорошо понимали.

...Марк очень удачно проскользнул по кустам к самому подножью Горы и чуть ли не ползком обогнул ее самый опасный для его замысла угол. Вскоре на пути выросли уже изрядно покосившиеся и обветшавшие остатки тынов вокруг заброшенных старых огородов «нижнего» Трэш-сити. Во время переселения на вершину холма бережливые обитатели поселка прихватили с собой все, что только могло пригодиться в строительстве и хозяйстве. Даже всю плодородную и чистую от радиации почву, некогда натасканную ими же с окрестных складов и из магазинов садово-дачного ассортимента, они постепенно, корзина за корзиной, мешок за мешком, перетащили наверх, на новые огороды и поля.

О'Хмара, который раньше тут ни разу не бывал, приостановился было, с любопытством разглядывая картину запустения и разора на месте когда-то жилого поселения. Как вдруг до его острого слуха донесся тихий, на грани слышимости, шелест, сопровождаемый каким-то тоненьким назойливо-зудящим звуком. Что-то там, впереди, на уже поросшей жесткой травой грунтовой дороге шелестело, шуршало и пищало. И медленно приближалось к тому месту, где стоял Марк.

««Вата»! – охнул про себя подросток. – Черт, как же не вовремя!»

«Ватой» в этих местах называли массовые скопления... сцепившихся лапками комаров. Со стороны эти пухлые серые, противно зудящие комья хитина действительно напоми-

нали грязную вату, перегоняемую ветром с места на место, словно перекаати-поле. Выглядела «вата» достаточно безобидно... но только на первый взгляд.

Любое живое существо, попадавшее в такой вот пухлый комок, было обречено. «Вата» сперва обволакивала его мягкой, податливой тучей тысяч невесомых телец, забивала ноздри, уши и судорожно раскрытый в мучительной попытке вдохнуть воздух рот... а потом к делу приступали острые безжалостные хоботки, способные проникнуть даже сквозь самую плотную одежду и густую шерсть. За несколько минут от жертвы оставалась лишь высушенная и полностью обескровленная мумия.

Не боялись «ваты» только стрижи да местные летучие мыши-нетопырки, для которых она была привычным рационом. Они нападали на шевелящиеся сгустки насекомых и на лету отхватывали от них целые шматы. Но нетопырки летали лишь в темное время суток, а сейчас день только-только начинал переходить в вечер, и для них пока еще было рановато. А для стрижей – слишком тесно, не развернуться.

Для всех остальных спасением от «ваты» было только одно: прикинуться ветошью и не отсвечивать. Причем в самом буквальном смысле: «вата» притягивалась на тепловое излучение живого тела, но не обращала никакого внимания на неживые объекты.

Можно было бы, конечно, бросить в подползающую пакость какую-нибудь запалку. Хитиновые комариные тельца горели за милую душу, за секунды от комка «ваты» оставался пшик... Но во-первых, возиться с добытанием огня юному охотнику сейчас было просто некогда, а во-вторых, устраивать скоплению насекомых аутодафе (тоже словечко из арсенала Умника) означало – привлечь внимание кого-нибудь из сор-горинских дозорных.

Так что оставалось только прикидываться ветошью.

Марк поспешно вытащил из кармана вещмешка и развернул тонкий плед с блестящим покрытием из фольги. До войны такие продавались в магазинах для экстремальных видов туризма и военных и использовались в качестве дополнительных теплосберегающих одеял. Впрочем, в этой роли «зеркалки», как их называли тут, использовались и сейчас.

О'Хмара упал в какую-то очень удачно подвернувшуюся канаву и накрылся сверху «зеркалкой», повернув ее блестящей стороной к себе, чтоб экранировала и не выпускала наружу тепло его тела. Теперь оставалось только ждать, когда «вату» пронесет мимо и, желательно, подальше от этого места.

«Зззззззи-и-и-иу-у-у... И-и-и-и...» – вскоре зловеще и противно прозудело над головой, прошелестело крылышками и лапками, проползло дальше и вскоре затихло.

«Ффух...» – Марк с облегчением перевел дыхание и прислушался. Кажется, «вату» и правда пронесло стороной.

Он прикончил парочку случайных, отбившихся от общей массы и попавших под плед комаров, подождал еще немного и осторожно выбрался из укрытия.

«Ваты» не было, она уползла куда-то в сторону фактории и моста. Вот, пожалуй, будет сейчас переполох у тех, кто там находится!

Юноша свернул и спрятал обратно в мешок «зеркалку», еще немного постоял на месте, чутко прислушиваясь к наступившей тишине. Потом, осторожно пробираясь между прошлогодними сухими будылями борщевика и кочками, свернул влево – туда, где еще до появления «ваты» заметил явственный след просеки, что вела на вершину холма. Отец рассказывал, что некогда вдоль нее тянулись тросы ручного волока с самодельной системой блоков, облегчавшей подъем на холм. Естественно, ни тросов, ни блоков уже давным-давно не было – все разобрали и утащили наверх бережливые и прагматичные сор-горинцы.

Окинув цепким взглядом окружающую местность и поправив за спиной арбалет и вещмешок, Марк решительно шагнул к довольно крутому склону Сор-горы. Примерился так, сям, что-то прикинул и неторопливо полез вверх, ловко цепляясь за тонкие стволы моло-

дых деревьев, жесткие ветки кустарника и выступающие тут и там из-под земли куски ржавой арматуры и полураскрошившихся бетонных обломков.

«Самое главное – не смотреть вниз! – раз за разом повторял себе он, то и дело скользя и оступаясь на круче. – Мало будет радости чебурахнуться кувырком с такой горушки! Костей не соберешь!»

Про собственный страх высоты подросток не забывал ни на секунду, особенно сейчас. Он изо всех сил цеплялся за любую попадавшуюся под руки корягу, камень или железку. И испуганно замирал, всем телом прижимаясь к склону и чувствуя вмиг взмокшей и похолодевшей спиной разверзшуюся позади пустоту, когда нога вдруг соскальзывала с казавшегося надежным уступа или в руке оказывалась коварная гнилушка, с легкостью выскакивающая из земли или рассыпающаяся под его пальцами в труху. С бешено колотящимся сердцем Марк тогда переживал приступ удушливой, с противной дрожью в коленках паники и... закусив губу, продолжал упорно лезть все выше и выше.

Что ему, О'Хмаре, все эти страхи? Впереди его ждала встреча с матерью!

Глава 7. Трэш-сити

Стена, защитным кольцом окружавшая Сор-городок, выглядела необычайно солидной и могла бы представлять немалый интерес для тех, кто разбирался в строительстве крепостей и прочих фортификационных сооружений. Но Марк в таких вещах был полным дилетантом, поэтому он просто с любопытством, уважением и где-то даже с восхищением и опаской оглядел открывшееся ему впервые зрелище.

Жители Трэш-сити соорудили вокруг поселения плотный частокол из вертикально вкопанных и остро затесанных наверху бревен. Кое-где в частоколе виднелись закрытые прочными щитами окошки («бойницы» – вспомнилось юному охотнику слово). Но самым любопытным и внушающим нешуточное уважение к обитателям поселка было дополнительное укрепление стены. Снизу, чуть ли не до половины высоты, ее защищали скрепленные между собой цементом или просто глиной обломки бетонных плит и состыкованные с ними столь же разномастные участки кирпичной кладки. Выше стену почти сплошь покрывали набитые на бревна железные листы – такие же разнокалиберные, придающие ее поверхности сходство с лоскутным одеялом.

Ожидаемого рва – как на картинках в книжках – под стеной не оказалось. Вместо этого вокруг нее еще одним неприступным кольцом множества остро заточенных кольев ошети-нивались какие-то весьма серьезные сооружения, напоминающие поставленные в несколько рядов лесопильные козлы в рост человека. И эта внебрачная помесь ежа-мутанта и забора, ко всему прочему, была еще по всей своей длине увита колючей проволокой. Марк подумал, подумал и предположил, что со рвом у соседей не срослось из-за того, что почва Сор-горы в основном представляла собой искрошенные временем и собственной тяжестью обломки строительного и прочего твердого мусора. Попробуй тут покопай! Уж с тыном-то своим они как пить дать задолбались по полной!

На некоторых кольях засечной ограды и самых высоких бревнах тына торчали выбеленные временем и непогодой черепа каких-то жутких зубастых тварей. Они как будто недвусмысленно намекали всем приходящим сюда с немирными намерениями: не одумаетесь – то же самое будет и с вами!

В сумме своей укреплению вокруг Трэш-сити выглядели грозно и внушительно и заставляли тысячу раз подумать, прежде чем решиться нападать на поселок!

Видимо, сор-горинцы были абсолютно уверены в неприступности своего поселка (а еще больше – в его статусе запретного для чужаков места). И появление на дороге, ведущей к воротам их крепости (столь же глухим, массивным и прочным, как и все остальное), незна-когого никому подростка было для них сродни грому с ясного неба.

– Ты чей, пацан? – вытаращился на Марка дозорный, глядя сверху из единственной открытой бойницы. – И как тут оказался?

Буквально тут же за стеной раздался резкий переливчатый свист. Кажется, о появлении нежданного гостя сейчас узнает весь поселок!

И точно! О'Хмара услышал звуки поднявшейся суматохи и не удержался от усмешки. Можно подумать, он сюда явился не один, а во главе целой армии! Или, по крайней мере, был каким-нибудь чудом-юдом из тех, что сейчас в большом количестве водились в окрестностях!

Он встал так, чтобы его было хорошо видно, и сообщил, глядя снизу вверх в появившиеся в открывшихся бойницах встревоженные, удивленные лица:

– Вообще-то я пришел один. И я не лазутчик – если вы об этом подумали. А взялся я тут откуда?.. Ну... влез по склону. Там, где у вас раньше волок был.

И, чуть подумав, на всякий случай добавил:

– Не стреляйте, пожалуйста. Я... по важному делу.

Люди с той стороны стены зашумели, обсуждая услышанное и передавая его дальше.

– Погодите, мужики, да это ж О'Хмара, стажер из Бабаевой бригады! – воскликнул кто-то, кого Марк пока не мог идентифицировать из-за того, что сор-горинцы в своих тяжелых плащах с капюшонами и в респираторах на таком расстоянии казались ему одинаковыми. Кто-то из местных коллег-охотников?.. – Точно, О'Хмара!

– Алтуфьевец, что ли? – появившийся в бойнице другой дозорный, судя по манерам – начальник, внимательно оглядел парнишку с характерной внешностью жителя ближайшей к Сор-горе станции метро. – Крайний раз алтуфьевцы тут появлялись, если не соврать, довольно давно – с полтора десятка лет назад. Какой-то ушлый тип из ваших ухитрился тогда пролезть сквозь все кордоны и умыкнуть одну из наших девушек...

– Я знаю, – спокойно ответил Марк. – Она еще потом, через несколько лет, вернулась домой... – он на мгновение остановился, собираясь с мыслями и духом, и сообщил: – Меня зовут Марк. Марк Хмаров. Я – сын того самого «ушлого типа». Его и той девушки, которую он тогда у вас похитил, а потом отпустил обратно. Я пришел увидеться со своей мамой!

На стене крепости воцарилась глубокая тишина. Слышно было только, как где-то в районе фактории верещит запыленный мартын, да лениво побрехивает собака в самом поселке.

– А ты ничего не путаешь, парень? – наконец подал голос один из поселковых. – Нам вот ничего не известно про то, что у нашей похищенной были дети от похитителя.

Что-то неприятно кольнуло Марка изнутри: оказывается, мать скрыла от своих сам факт его существования! Значило ли это, что Кожан и остальные были правы на ее счет и она действительно совсем-совсем его не любила?..

– Отец говорил мне, что мою маму звали Юлией, – вслух сказал он. – Юлией Моряшовой. Ту, о ком говорите вы, зовут как-то по-другому? Или так же?

Сор-горинцы переглянулись.

– Но... она же никогда не говорила, что у нее был ребенок... – медленно произнес один из них. – О, как...

– Зашибись история! – присвистнул другой. – Прямо мексиканский сериал!

– Очень странно, – командир дозора нахмурился и с сомнением покачал головой. – Но как ты сам объясняешь, парень, что твое существование является тайной для общины твоей матери?

– Я не знаю, почему она скрывала это от вас. Но у нас на станции все как один утверждают, что она не любила ни моего отца, ни меня, – сумрачно пояснил Марк. – Я и пришел, чтобы узнать – правда ли это. От нее самой.

– А батя твой отчаянный, что – тебя убедить не смог? Да еще и одного отпустил?

На лице подростка не дрогнул ни один мускул. Только взгляд стал чуть более цепким и шершавым, как наждак.

– Отец погиб в январе этого года. На охоте.

– Эй, а я помню тот случай! – вмешался тот, кто узнал его. – Помните, когда Жуть второй раз приходила?

Взгляды сор-горинцев, направленные на О'Хмару из-под плотных брезентовых капюшонов, заметно смягчились и потеплели. Эти люди прекрасно знали, что такое потерять близких.

– И как же ты теперь? Один?.. – раздался сочувственный голос.

Марк пожал плечами.

– Живу же... Но я тут подумал... Ну... – он в замешательстве покусал губу, подбирая слова, – может быть, мама захочет... вернуться со мной обратно на станцию? У меня же, кроме нее... теперь никого. Я буду заботиться о ней, приносить еду и все необходимое, охотиться для нее... И никому не дам ее обидеть. Если бы только она захотела вернуться...

Сор-горинцы снова зашептались, обсуждая услышанное. А охотник (Марк наконец узнал его – Леха по кличке Нокия, было дело, пересекались на лесных тропинках) с сомнением и даже какой-то жалостью покачал головой:

– Если твоей матери и правда не нужны были ни твой отец, ни ты сам, то... боюсь, что никуда она с тобой не пойдет.

– А вот это мы сейчас выясним! – решительно стукнул по бревну стены командир. – Соня! – окликнул он кого-то внутри периметра. – Позови-ка сюда тетю Юлю... Нет, не свою тетю, а другую, жену дяди Левы!.. Да скажи – срочно!

«Жену...» – ухнуло вниз сердце у Марка.

«Она уж наверняка снова вышла замуж за кого-нибудь из своих и обзавелась другими детьми, которых – в отличие от тебя – любит!» – вспомнились ему слова Кожана. И на душе стало тоскливо. Неужели вождь был прав?

«Нет-нет, – затрепыхалась внутри надежда. – Мама сколько угодно могла не любить отца, могла и после возвращения к своим снова выйти замуж и даже родить других детей... Ладно. Пусть так. Она тогда была совсем молодая и, отец говорил, очень красивая, все мужчины станции ему завидовали... Но ведь я – тоже ее сын, и, может быть, когда она увидит меня сейчас, совсем большим, то примет, не оттолкнет, не будет больше ненавидеть...»

«Ненавидеть». Слово возникло в мыслях само собой и теперь назойливой осой зудело в голове и на языке, не желая пропадать. Вождь и все на станции в один голос утверждали, что мама ненавидела отца. И говорили также, что она, якобы, заодно ненавидела и его, Марка – просто за то, что он был сыном ненавистного ей человека. Но... было ли это так на самом деле? Известно же, людская молва часто бывает предвзята и несправедлива. А вдруг мама из присущего ей упрямства только делала вид, а сама...

Скрипнули, отвлекая его от тяжких сомнений, ворота поселка. О'Хмара вздрогнул и вернулся из своих мыслей в реальность.

Ворота приоткрылись.

– Заходи! – кивнул ему со стены начальник дозора. И добавил: – Обычно мы к себе чужаков не пускаем. Но ради такого случая и для такого отважного парня, как ты, не грех сделать и исключение!

О'Хмара без колебаний скользнул в приоткрывшийся проем (ворота снова заскрипели, закрываясь за его спиной) и оказался в темном, напоминающем выезд из туннеля на станцию, коридоре длиной метра три-четыре. Стены коридора также представляли собой плотный частокол, обшитый железными листами до сходства с лоскутным одеялом.

Впереди лежал загадочный и до сих пор никем из чужаков изнутри не виденный Трэш-сити.

На выходе из коридора Марка уже ждали. Тот самый человек, про которого скавен решил, что он – начальник поселковой стражи, приблизился к нему и окинул юношу пристальным, властным и все подмечающим взглядом. О'Хмаре даже стало неловко за свою истрепанную после восхождения на гору и проползания сквозь охранный шиповник и колючку, в земле и бетонной пыли, одежду. Он торопливо отряхнулся, пригладил взлохмаченные волосы и выпрямился.

– Лифанов Андрей Ильич, глава поселковой администрации, – представился сор-горинец.

Марк, который не ожидал, что тот окажется самым главой Трэш-сити, оробел, но быстро взял себя в руки и снова назвал.

– Я впечатлен, – сказал Лифанов. – Не попасться монстрам, пробраться сюда так, что наши сторожевики ничего не заметили, да еще и подняться на гору в самом ее неприступном месте на ночь глядя, а потом возникнуть перед воротами, как чертик из табакерки, и устроить переполох... – он покачал головой. – Совсем не детский поступок!.. Так значит, ты – сын того

самого отчаянного сорвиголовы, который навел у нас тут шороху около десятка лет назад? Мда-а, лихая у вас порода, парень, ничего не скажешь! Достойный ты преемник своему батьке!

– Пятнадцать лет назад, – осторожно поправил Марк, тем не менее, розовея от комплимента, от сравнения с отцом. – Ну, или около того. И насчет породы... характер у меня все же мамин. Так отец говорил.

Лифанов кивнул, как показалось подростку, вполне благожелательно.

– Ну вот, она сейчас придет, твоя мама – и посмотрим, ху из ху.

О'Хмара невольно вздрогнул и, чтобы скрыть волнение, принялся исподволь, как и подобало вежливому гостю, разглядывать внутреннее устройство поселка.

Поразило его то, что поселка как такового – то есть привычных глазу нескольких отдельно стоящих домов он не увидел. Трэш-сити оказался... чем-то вроде одного огромного, замкнутого в кольцо длинного дома с почти круглой площадью посередине, куда выходили двери, прорезанные в сплошной внутренней стене этого дома-бублика. Только теперь Марк понял, почему входной коридор был таким длинным. Оградой являлась внешняя стена самого столь необычно построенного дома-поселка.

Крыша этого удивительного дома имела один скат, направленный внутрь кольца, и ровную площадку для дозорных вдоль всего верхнего края частокола. Над площадкой был установлен такой же сплошной кольцеобразный защитный навес из кровельного железа. А над ним хищно скалились заостренные верхушки тына и черепа монстров.

На всей этой удивительной постройке лежала печать тщательной продуманности, выверенных расчетов и прагматичности.

– Нравится? – усмехнулся Лифанов, заметив неподдельный интерес и восхищение подростка.

– Я даже на картинках таких домов не видел! – честно признался Марк. – Вы только не подумайте, я не высматриваю ваши тайны, – тут же поспешно добавил он. – Но это... что-то невероятное!

– Тайн ты наших по-любому никаких не выведаешь, – глава Трэш-сити сделал небрежный жест кистью. – Просто мы очень не любим, когда нас беспокоят в нашем же доме посторонние.

Алтуфьевец смутился.

– Извините... Я знаю, что вы к себе никого не пускаете. Но... мне очень нужно было увидеться и поговорить с мамой. А через факторию меня бы не пустили. Вот я и решил подняться к вам с обратной стороны.

– Упорный ты, парень! – Лифанов легонько похлопал его по плечу. – Мне такие нравятся... А вот, кстати, и та, с которой ты хотел встретиться!

Марк вздрогнул и в крайнем волнении подался вперед.

Мама!.. Ну, наконец-то!

Глава 8. Мама

Подошедшая к ним женщина была красива, и это было заметно даже несмотря на скрывавший половину ее лица традиционный для местных респиратор. Из-под капюшона на высокий лоб падала выбившаяся непокорная темно-рыжая прядь волос. А над респиратором смотрели упрямо и чуть насмешливо светло-карие глаза.

Глаза, которые – если не считать их цвета – сам Марк видел всякий раз, когда смотрелся в зеркало над общественным умывальником.

– Вызывали, Андрей Ильич? – спросила подошедшая приятным грудным голосом. – Что случилось?

– Да вот, – Лифанов отступил чуть в сторону, показывая ей на юного скавена. – Гость к тебе, Юлия. Возможно, ты его даже узнаешь.

Брови женщины недоуменно взлетели вверх, когда она повернулась к тому, кто стоял рядом с главой поселка... а потом она вдруг вздрогнула, и Марк отчетливо увидел в ее глазах растерянность, страх, досаду. Сердце подростка подскочило к самому горлу и тоскливо сжалось, предчувствуя неладное. А женщина... женщина уже смотрела на него, как ни в чем не бывало, словно все происходящее ее не касалось.

– И с какого это перепугу я должна его узнавать? – спокойно и почти равнодушно осведомилась она.

О'Хмара облизнул мигом пересохшие губы и кашлянул, но ощущение холодного кома в горле никуда не делось.

– Я же Марк! – сипло произнес он, с мольбой, надеждой и тревогой вглядываясь в непроницаемые, как торфяной бочаг, глаза матери. – Марк Хмаров, сын Петра Хмары из Алтуфьево! Охотника, который пятнадцать лет назад похитил тебя отсюда, помнишь? И... и твой сын тоже. Здравствуй... мама...

Ничто не дрогнуло в лице Юлии, но юноше показалось, что в ее глазах мелькнуло отвращение, когда она окинула взглядом его не совсем человеческую внешность «рожденного После» – когтистые, напоминающие крысиные лапы, кисти и черные, без белков, глаза⁵. Внешность типичного скавена с Серого Севера.

Показалось? Или все же нет?

Нет-нет, конечно, показалось! Это все неправда, что о ней говорят, мама выслушает, обязательно выслушает! И, может быть...

– Мам... Я хотел встретиться с тобой, поговорить... – в волнении теребя край парки и не замечая этого, продолжал алтуфьевец. – Узнать, почему ты ушла от нас тогда... Знаешь, отец погиб этой зимой, и я теперь совсем один... Может быть, ты согласишься... вернуться ко мне? Я... я все сделаю, чтобы тебе было хорошо со мной... Мама...

Сгрудившаяся вокруг них толпа сор-горинцев сочувственно молчала, переводя взгляды с одного на другую. Они тоже ожидали ответа.

Глаза женщины блеснули на сей раз уже откровенной неприязнью.

– Иди домой, мальчик! – холодно процедила она. – Иди и больше не приходи сюда. Ты ошибся. У меня нет и никогда не было детей от алтуфьевских отморозков! Тем более – детей-мутантов!

И, равнодушно повернувшись к Марку спиной, спокойно пошла прочь. Как будто его действительно не было. Никогда и нигде.

⁵ Дети, родившиеся на станциях Серого Севера после крысиного набега и вызванной им эпидемии, имеют полностью черные глаза без белков. И в их внешности более ярко выражено крысиное генетическое «наследство», чем у взрослых. Таковы Крысы, главная героиня романа «Метро 2033: Джульетта без имени», и Марк.

Раздалось дружное «Ах!» собравшихся. Толпа взволнованно зашушукалась.

– Но... мама... – потерянно прошептал подросток, чувствуя, как неудержимо и страшно наваливается на его плечи что-то неподъемное, тяжелое, давящее. Словно просевший от тяжести свод туннеля во время обвала. – Мама... Почему?..

Сор-горинка даже не дрогнула, закрывая за собой одну из дверей дома-поселка.

«Мама... За что ты так со мной?.. Чем я обидел тебя, мама, что ты настолько сильно возненавидела меня, совсем даже не зная, какой я?..»

Лифанов с нескрываемым сочувствием посмотрел на Марка и тихо вздохнул.

– Вон оно как бывает, парень... И правда, не нужен ты ей оказался. Так что лучше тебе уйти отсюда... Ваня! – позвал он кого-то из своих. – Проводи-ка парнишку до фактории и сдай с рук на руки Максимычу. И присмотри в дороге, чтоб чего не вышло.

– Есть! – по-военному козырнул молодой парень в светло-сером плаще, перетянутом ремнями оружейной амуниции. И повернулся к Марку: – Ну, пойдем, что ли, боец?..

...О'Хмара не запомнил ни недоступной прочим чужакам дороги от поселка до фактории, ни того, как шел по ней в сгущающихся предвечерних тенях. В ушах стояли последние жестокие слова матери, а перед глазами – ее равнодушно-неприятное лицо.

А ведь он так надеялся...

«Почему ты отказалась от меня, мама? Что я тебе сделал?..»

В горле стоял колючий ком, дышать было трудно, на глаза невольно наворачивались слезы. Мир, казалось, утратил краски, став серым, как будто пеплом подернулся. Подросток безучастно брел за своим сопровождающим и не замечал ни попадавших под ноги сучьев, ни изредка цеплявшихся за волосы (шляпа с накомарником успела потеряться, но где и когда – этого он не помнил) сосновых иголок.

«Мама... Как же я теперь?.. Один...»

Сор-горинец Ваня все посматривал на него – кажется, даже с пониманием и сочувствием, но с расспросами и душещипательными разговорами не лез. И на том спасибо.

Они спустились с горы и, пройдя мимо ворот и «таможни», вошли в здание фактории. Немного задержались в камере дезактивации, очищая одежду от случайной пыли.

– Максимыч! – окликнул фактора Ваня, едва войдя в зал харчевни. – Отвлекись-ка, тут к тебе дело есть!

Он что-то зашептал на ухо хозяину – видимо, пересказывал случившееся у них, наверху. Лицо фактора, неоднократно принимавшего в своем заведении соседских охотников, добытчиков и наемников и потому знавшего всех членов бригады Бабая, вытянулось, и он начал с удивлением, сочувствием и почему-то с уважением посматривать на Марка.

А тому было все равно. Апатия овладела им, скавен приткнулся куда-то в угол и бездумно уставился в стол.

Закончив делиться с фактором новостями, Ваня слегка потрепал подопечного по плечу:

– Ну, ты это... держись, не раскисай! – неловко проговорил он. – Сейчас Максимыч тебе чего-нибудь пожевать спроворит, да чайку на полезных травках... Посидишь тут, отдохнешь, успокоишься. Потом – до дому. Вечереет уже, ваши-то, небось, тебя уже хватились?

Марк промолчал, словно и не услышал, а может, так оно и было. Сор-горинец еще немного постоял над ним, потоптался, вздохнул и, кивнув на прощание фактору, вышел.

Спустя некоторое время на столе перед носом подростка возникла миска поджаристых оладий и кружка чая.

– Подкрепись, небось, оголодал уже за день-то, приключаясь... – послышался голос Максимыча, и на плечо мягко опустилась его жесткая ладонь. – Ты отчаянный парень, О'Хмара, и действительно – весь в своего батьку, каким я его помню. Но... жизнь, как видишь, иногда любит делать нам козью морду. Мне очень жаль, что так вышло, правда... – он помолчал. – Ладно, не буду тебе мешать. Посиди, успокойся. Если что – зови, понял?

Марк рассеянно кивнул. Фактор еще раз похлопал его по плечу и отошел к себе за стойку.

Пышные, с пылу с жару, картофельные оладушки, которыми так любил при случае полакомиться в этой харчевне юный охотник, на сей раз не лезли в горло и на вкус казались сухими и пресными, как прошлогодняя трава. Чай – обычно ароматный и насыщенный – сегодня почему-то отдавал полынным веником и горчил... а может, это просто были слезы, которые Марк не хотел, не мог показывать здесь никому?..

Умом он понимал, что сегодня получил закономерное и логичное подтверждение всему, что говорили ему на станции про мать и ее отношение к отцу и к нему. Но сердце продолжало исходить отравляющей горечью и рвущей по живому обидой: почему мама так с ним поступила? Так жестоко и несправедливо? Он же хотел как лучше...

Наверное, Максимыч в этот раз заварил ему какие-то специальные травы, приводящие в порядок раздерганные нервы. Потому что спустя некоторое время Марк поймал себя на том, что начинает потихоньку успокаиваться. Нет, ему по-прежнему было горько, больно и обидно, однако... поступок матери, как ни крути, все же не стал для него полной неожиданностью – его ведь предупреждали до этого, и не раз. Так что где-то в глубине души он был отчасти готов к такому повороту событий – просто до последнего надеялся на лучшее. Но, если разобраться... жили же они с отцом как-то все эти годы вдвоем, без жены и матери? Прекрасно жили! Живет ведь он после гибели отца один? Живет, да притом даже не бедствует. Неужели и дальше не сдюжит?

Мать Марк практически не знал, и потому ее отказ от него теперь, успокоившись после первого шока, переживал далеко не так болезненно, как в свое время потерю отца. Вот по нему он иногда тосковал так, что хоть волком вой. А мама... Да, она подарила ему жизнь, но в этой его жизни ее самой никогда не было. И потому не было связанных с ней воспоминаний, ощущений, чувств, кроме тех, что он сейчас испытывал. Но боль, обида, горечь, разочарование потихоньку отступали на второй план, теснимые задетым за живое самолюбием, гордостью и упрямством не привыкшего – в силу воспитания и нравов своего окружения – к «девчачьим нюням» юного алтуфьевца.

Марк решительно и сердито вытер кулаком предательски повлажневшие глаза. Губы его упрямо сжались.

– Переживу! – тихо сказал он себе под нос.

И потянулся за очередной оладьей.

Спустя еще несколько минут он начал обращать внимание на то, что происходит вокруг. И даже немного пожалел, что с самого начала был настолько невнимателен и расхлябан. Прямо как и не охотник, привыкший первым делом оценивать возможную опасность!

Нет, Марк прекрасно знал, что в харчевне Максимыча иногда бывают не только местные жители или его соплеменники-скавены, но и «чистые». Пару раз он даже самолично видел людей из Большого метро – правда, до сих пор только на расстоянии. «Чистых» в буйном и бескомпромиссном Алтуфьево не любили, пожалуй, сильнее и яростнее, чем на всех остальных станциях Серого Севера, вместе взятых. Взрослые утверждали, что Большое метро ненавидит и презирает людей-мутантов. И рассказывали детям леденящие душу истории о брошенных на растерзание крысам жителях Серого Севера. И о расстрелянных на савеловском кордоне заболевших, которые в отчаянии пытались искать у соседей-южан помощи в борьбе с эпидемией. А находили только грохочущую под сводами туннелей смерть и хлесткий свинцовый дождь, без разбора пола и возраста косивший обессиленных болезнью и голодом мужчин, женщин с малышами на руках, детей постарше. И Бабай – сам некогда чудом спасшийся во время этого массового расстрела – всегда, если существовала веро-

ятность пересечься с «чистыми» на фактории или где-нибудь в районе моста, быстро уводил свою бригаду подальше и пережидал, чтоб только не контактировать с «чистыми».

Сегодня Марку наконец довелось увидеть «чистых» вблизи. Без своих ОЗК и противогазов они оказались (к вящему его разочарованию) совсем такими же, как и скавены или сор-горинцы. Ну, разве что от первых отличались цветом глаз и формой рук. А так – практически один в один!

И их сегодня была полная харчевня! Видимо, О'Хмаре «повезло» попасть на факторию в момент прихода какого-нибудь каравана из тех, что хоть и редко, но уже стабильно курсировали между Москвой и областью.

За парой сдвинутых вместе столиков сидела выделявшаяся даже среди других находившихся здесь групп компания из примерно десятка человек, одетая и экипированная, словно для дальнего рейда. Марк невольно отметил дорогую добротность и удобство одежды. Защитные костюмы «чистые», должно быть, оставили в дезкамере на входе – фактория была оборудована так, что даже они не боялись находиться внутри нее без ОЗК и противогазов. Опытным взглядом скавен оценил вооружение и обвесы и слегка даже позавидовал: ему-то до такого богатства еще пыхтеть и пыхтеть! Компания, а точнее, отряд – ибо это был именно боевой отряд! – походила то ли на наемников, то ли на караванных охранников.

Тем более что в паре столиков от Марка и правда сидели люди, в которых торгашей-караванщиков было видно невооруженным глазом чуть ли не за километр.

– ...эти зеленоградские совсем оборзели! – донесся до скавена обрывок разговора за столиком «торгашей». – Дерут с честных негоциантов семь шкур только за право прохода по их землям! Страшно сказать, сколько я им сегодня заплатил! Если так дальше пойдет, я же просто разорюсь!

Марк вдруг поймал на себе пристальный взгляд командира отряда «чистых». Тот, чуть прищурившись, со сдержанным интересом рассматривал его охотничью одежду, арбалет за спиной и простой, но очень функциональный нож в чехле на поясе (нож Марк достал из мешка, куда заблаговременно упрятал его перед началом операции «Трэш-сити», и вложил в ножны еще перед восхождением на Сор-гору). Особо пристально, как показалось скавену, «чистый» рассматривал его лицо и руки.

«Ну, че вылупился, словно крокожаб болотный, мутантов, что ли, никогда не видел?»

Скавен нахмурился и медленно, стараясь сохранять достоинство и выдержку опытного охотника, отвернулся. Не хватало ему, чтоб его еще разглядывали, как диковинную зверюшку!

Впрочем, как оказалось, разглядывали его – кто исподволь, а кто и откровенно пялясь – чуть ли не все присутствующие в харчевне «чистые». Открытие это было крайне неприятным, и Марк немедленно решил поскорее валить отсюда подобра-поздорову. Спасибо, конечно, Максимычу за хлеб да соль, за приют и ласку, но пора и честь знать. Да и на станции его, поди, уже хватились, как бы еще и правда выволочку не получить от бригадира!

О'Хмара отодвинул опустевшую миску и кружку и встал, намереваясь пройти к стойке, узнать у Максимыча, сколько он должен за еду, рассчитаться, а потом уйти.

Но не тут-то было.

– Мальчик! – окликнул его один из «торгашей», когда он, ни на кого не глядя, проходил мимо их столика. – Молодой... э-э-э, человек, можно вас на минуточку?

Марк растерялся. С «чистыми» ему до этого – ну, разве что исключая сор-горинцев (да и тех, живущих на поверхности, считать таковыми, наверное, можно было уже с натяжкой!), общаться не приходилось. И если уж на то пошло, он бы и сам никогда первым не начал разговор с ними. А тут...

«И чего ему от меня надо?» – хмуро и настороженно подумал он, неторопливо поворачиваясь на голос.

Окликнул его тот самый караванщик, что жаловался на беспредел каких-то там зеленоградских. Порывшись в памяти, О'Хмара выудил из нее рассказы взрослых о лежащих окрест Москвы территориях и поселениях, которые на них располагались. Зеленоград был некогда цветущим городом-спутником столицы и, кажется, даже одним из научных центров. Был...

...Вопрос «Есть ли жизнь за МКАДом?» для скавенов никогда не стоял – во всяком случае, для алтуфьевских. Они-то прекрасно знали, что она есть – Сор-гора была ярким тому подтверждением. Имели они кое-какое представление и о других выживших или возродившихся поселениях к западу и северо-западу от разрушенной Первопрестольной.

Марк мельком подумал, что надо будет по возвращении на станцию расспросить взрослых разведчиков – тех, кто забирался дальше Химок, о том, кто сейчас живет в Зеленограде и возле него. Он и сам себе не признавался, но иногда его так и тянуло вслед за уходящими в дальние рейды одностанчанам. Хотелось своими глазами увидеть те далекие и загадочные земли, о которых так часто говорили взрослые, вспоминая уже начавшую казаться нереальной и сказочной довоенную жизнь.

– Вы меня ради бога извините, молодой человек, – начал меж тем окликнувший его торговец, для вящей убедительности прижимая руки к груди. – Но я тут краем уха услышал вашу историю... – он кивнул на стойку, где Максимыч в это время разговаривал с кем-то из посетителей. – Как вы в одиночку преодолели путь до Сор-горы, а потом еще и подъем на нее, чтобы увидеться со своей матерью... И знаете – я одновременно и огорчен, и впечатлен! Огорчен тем, что ваша матушка не захотела признать и принять вас... увы, мой друг, такое сейчас случается сплошь и рядом!.. А впечатлен я вашей несомненной отвагой и стойкостью. В таком юном возрасте – и уже держать в руках оружие и передвигаться по здешним, без преувеличения, опасным местам в одиночку, покорять неприступные вершины, проникать в запретные места... равно как и, получив такой удар, держаться столь достойно... Клянусь, я восхищен вами! Могу ли я узнать, кто вы и как вас зовут?

Марк недоуменно покосился на него и сдержанно повел плечами. Раскрывать, кто он и откуда, ему совсем не хотелось. Точнее – не хотелось раскрывать конкретно вот этому первому встречному, подозрительно велеречивому «чистому». Ишь, как разливается! Хотя, без сомнения, комплименты его льстили не избалованному ими юному охотнику, но чем-то торговец все равно настораживал. О'Хмара никак не мог понять, что этому «хатуль-мадану» от него надо.

– О, я вижу, вы проявляете осторожность, не доверяя первому встречному! – разглагольствовал тем временем «хатуль-мадан». – И это разумно, молодой человек, очень разумно! Эх, если бы не лимит мест, я бы предложил вам стать охранником моего каравана. Даже несмотря на ваш пока еще юный возраст. Мне нужны такие отчаянные, но хладнокровные и осторожные парни!.. Честное слово, я крайне впечатлен вами и вашим поступком!

«Наемники ему, что ли, нужны? – удивился Марк. – Так чего ж он из Трэш-сити никого не возьмет? Обязательно к скавенам лезть?..»

Алтуфьевские сорвиголовы частенько нанимались к сор-горинским купцам в качестве сопровождающих и охранников, но сор-горинцы были соседями, с ними можно было иметь дело. А вот к «чистым» на памяти О'Хмары с его станции еще не нанимался никто.

Еще чего не хватало! К «чистым»! К предателям и убийцам!..

– Я не ищу работу, – очень сдержанно сказал он, чтобы хоть как-то отвязаться от этого настырного. – И мне уже пора уходить. Я и так здесь пробыл дольше, чем нужно.

– О, конечно, конечно!.. – замахал руками караванщик. – Простите, что я вас задерживаю, вас наверняка ждет очень далекий и опасный путь... И ради всего святого, простите мне мою назойливость. Я – человек впечатлительный, и мне нравятся неординарные личности и всякие загадки... Вы ведь не местный, не с Горы, я угадал?

– Я издалека, – буркнул скавен, изо всех сил пытаясь не раздражаться.

«Вот пристал, как банный лист, да чего ж тебе от меня надо-то, зараза?!»

– Оу! – всплеснул руками торгаш. – Какая прелесть! Может быть, когда-нибудь я сумею добраться со своими товарами и до ваших таинственных земель?.. Могу ли я хотя бы пожать вашу руку, мой смелый юный первопроходец?

И, не дожидаясь ответа, он схватил ладонь Марка, крепко сжал и энергично затряс ее.

Скавен опешил лишь на мгновение-другое. А потом попытался высвободить руку из захвата.

При этом он умудрился довольно сильно оцарапать о массивный самодельный перстень, сидевший на пальце торговца. «Чистый» тут же заохал, заизвинялся, начал предлагать обработать ранку и перевязать...

Марк молча слизнул с ладони кровь и только отмахнулся. Вышло грубо, но с него уже было довольно на сегодня!

– Ничего не нужно. Желаю удачной торговли и безопасных дорог! – бросил он и поспешно, пока «чистому» не пришло в голову выкинуть еще что-нибудь или позвать на подмогу остальных посетителей (которые все это время с любопытством таращились на происходящее), выскочил из харчевни.

Злой и не на шутку раздраженный, подросток миновал таможеню и, обеспокоенно поглядывая по сторонам и на вечернее небо с уже проклюнувшимися первыми звездами, чуть ли не бегом припустил в сторону МКАДа. Ох, и будет же ему выволочка от Бабая, когда он вернется на станцию!

О том, что бригадиру и всем остальным рано или поздно станет известно от соседей о его лихой авантюре, О'Хмара предпочитал пока даже не думать, привыкнув решать проблемы по мере их возникновения. Так что потом, все потом!

Где-то на середине пустыря между Кольцевой и Сор-горой пришлось немного сбавить темп, а потом и вовсе остановиться. То ли сказался ранний подъем, то ли нехоти отозвались все приключения и потрясения этого дня, но после пробежки Марк почувствовал, что ему нужно немного отдохнуть. Ноги гудели от напряжения, голова ощутимо потяжелела, и Марк не на шутку обеспокоился, как бы снова не вернулись эти его трижды тридцать раз клятые головные боли. Сегодня для них, признаться, был ну очень подходящий день!

Скавен замедлил шаг и поискал глазами удобное и безопасное место для короткой передышки. Севернее возвышалась Сор-гора с еще видимой в сумерках сторожевой вышкой на ее южной стороне, ниже и западнее маячила такая же вышка над оградой фактории – так что можно было надеяться, что в случае опасности соседи не оставят его в беде.

Ну, и сам он пока еще стрелять не разучился.

Марк привычно снял, зарядил и поставил на предохранитель арбалет, затем положил его рядом, присев на небольшом взгорке, откуда просматривались виды во все стороны.

«Чуток отдохну – и домой!» – решил он.

Майская ночь раскинула над юным охотником высоченный шатер – густо-синий с одного края и переходящий в зеленый, желтый, алый – с другого. Марк невольно загляделся на самую яркую звезду. Та переливалась красками, как капля росы на траве в солнечное утро, и, казалось, дружески подмигивала ему.

«Умник говорил, что на звездах могут жить такие же разумные существа, как и мы... – вдруг подумал подросток. – И что до войны ученые пытались искать с ними контакты. И даже были храбрецы, которые сами летали к звездам! А еще – что и к нам, на Землю, тоже прилетали люди оттуда. Только они прилетали тайно от нас... Жалко, что тайно! Вот было бы здорово однажды подружиться с каким-нибудь мальчишкой со звезд! Интересно, звездные жители – если они и правда существуют – сильно похожи на нас?.. Есть ли у них разделение на «чистых» и мутантов? И где они живут – тоже в метро, под землей, как мы, или на

поверхности – как сор-горинцы, и как у нас раньше все люди жили? А их мамы... наверное, они все любят своих детей? Или у них тоже всякое случается?... Эх, мама, мама!..»

Он неожиданно зевнул и тут вдруг ощутил, как же сильно устал за этот сумасшедший день. Глаза неудержимо слипались – видимо, и правда давали о себе знать сегодняшние приключения.

«О'Хмара, не спи! – попытался взбодрить себя скавен. – Тебе еще до дому добираться, а ты...»

Что «а ты» – осталось не додуманным. Веки Марка в очередной раз устало сомкнулись, а из груди вырвался длинный и уже совсем сонный вздох. И он обмяк и мягко повалился в траву, неловко ткнувшись плечом в торчащую из нее кочку.

Арбалет, звякнув замком, выпал из ослабевших рук.

...Темная, закутанная в тяжелый брезентовый плащ фигура выступила из сгустившихся чернильных сумерек и остановилась над неподвижно лежащим подростком. Слегка потыкала его ногой, прислушиваясь к возможной реакции. И удовлетворенно кивнула, блеснув из-под капюшона в неярком пока еще лунном свете круглыми стеклами защитной маски.

Дело было сделано, и сделано на совесть. Этот мутант уже больше никогда не вернется к своей стае!

Глава 9. «Меня зовут Костя!»

Станция Проспект Мира радиальная (Барахолка), полулегальный рабский торг

Что ощутит, а главное – подумает человек, который проснулся совсем не там, где засыпал? Верно – ничего хорошего. И это – как минимум.

Марк приоткрыл глаза и недоуменно приподнял все еще тяжелую и мало что пока сообщающую после сна голову.

Он лежал... в клетке. Клетка находилась в совершенно незнакомом ему месте, очень похожем на вестибюль какой-то станции (а может, даже и переход с одной на другую), и, насколько ему было со своего места видно, рядом стояли еще несколько подобных ей.

В клетках сидели и стояли люди. По свободному от клеток пространству расхаживали другие люди и глазели на тех, что в клетках.

– Че за фигня? – невольно пробормотал себе под нос еще толком не пришедший в себя Марк. – Куда это я попал?..

– Это рынок, – вдруг раздался над ним тихий голос. – Рабский рынок на... Ой!

Договорить неизвестный не успел – О'Хмара вскинулся на голос, перекатился прочь от того места, откуда он раздавался, пружинисто сгруппировался, готовый как к нападению, так и к защите...

И тут же едва снова не отрубился! В голове бухнуло, к горлу подкатил ком, а окрестности поплыли, закружились в диком хороводе. Марк плашмя рухнул на пол и поспешно зажмурился, стиснув зубы и перебарывая приступ дурноты.

В себя его привело ощущение водяных капель на лице и чьей-то прохладной ладони на лбу. Марк открыл глаза.

– Ой, блин! – охнули над ним, и кто-то, кого он пока не мог разглядеть, отшатнулся, отпрянул от него.

О'Хмара осторожно повернул голову на движение, повел взглядом.

Из угла клетки на него во все глаза таращился подобравшийся, словно на него собрались нападать, темно-русый и бледнокожий парнишка-ровесник из так называемых «чистых». На его лице (по мнению Марка – чересчур смазливом для представителя сильного пола) отчетливо читались изумление, замешательство и опасливая настороженность.

А, ну все понятно!..

– Что, «чистый», – скавен нехорошо ухмыльнулся, демонстративно повернув к свету лицо и как бы невзначай оскалив крупные белые резцы. – Никогда мутанта не видел?

Его сплошь черные, без белков, глаза опасно полыхнули алым и злым в отблеске лампы, когтистые, как у большинства скавенов, пальцы сжались в кулаки.

Паренек вздрогнул, прикусил губу. Чуть помедлил, не отрывая от Марка пристального взгляда, сдвинул брови.

– Нет, – вдруг довольно спокойно сказал он. – Такого, как ты, – никогда.

Скавен шевельнул бровью. Или этот смазливый слишком самоуверен, или и правда не боится запертого с ним в одной тесной (опасно тесной!) клетке неведомого мутанта с очень нехорошим взглядом.

Или дурак.

Отвернувшись от соседа, Марк внимательно оглядел свое узилище и обнаружил, что клетка была сделана из нескольких поставленных вертикально передвижных решетчатых оград, которых он немало повидал и на своей станции. Между собой «стены» клетки были соединены витками стальных тросиков с петлями на концах. В петли были продеты небольшие замочки. Марк задумчиво потрогал ближайший к нему, повертел так, сяк...

– Когда нет торгов, то решетки разбираются и снова становятся оградами, – послышался голос «чистого». – Здесь любят практичность и не любят афишировать перед посторонними некоторые... ммм... стороны своей жизни. А замки ты лучше не трогай. Влетит!

О'Хмара неприязненно дернул плечом: тебя забыл спросить, моль бледная! И продолжил изучение окружающей действительности. На соседа он решил больше не обращать внимания.

Новая проблема встала... нет, пожалуй, даже обрушилась на него внезапно и без предупреждения. Каким-то образом он оказался вдали от своих родных мест, в неизвестном помещении, да еще и на рабском тор...

ГДЕ?!

«Стоп! Это что же получается? Если я заперт в клетке, стоящей на рабском рынке, то я что... Я – раб?..»

Сердце оборвалось и ухнуло куда-то в район желудка. О'Хмара вновь ощутил позывы к рвоте. Голова слегка кружилась.

«Но как же я попал сюда?.. – испуганно подумал он. – Помню, что заснул, как дурак, по пути домой, а потом...»

Что «потом» – скавен не помнил. Ни одной минутки, ни одного мига. Хоть пополам разорвись от натуги.

Он непроизвольно стиснул прутья клетки, изо всех сил давя страх и панику. Вышло как-то судорожно, нервно, но Марку уже было не до сохранения «морды лица».

«Бежать! Надо как-то выбираться отсюда! – лихорадочно металась мысль. – Найти способ... спастись, вернуться домой...».

– Отсюда невозможно сбежать, – раздался из соседнего угла голос «чистого». Тот сидел, подтянув к груди колени, и с сочувствием смотрел на соседа.

Марк резко развернулся к нему. Паренек вздрогнул, но на этот раз не отшатнулся.

– Откуда это – «отсюда»? – как-то совершенно по-крысиному прошипел скавен. Черт, ведь как ни крути, но придется узнавать, куда же это его занесло. И узнавать у этого бледного недоразумения.

– Ты разве не знаешь? – удивилось «недоразумение», видимо, решив отныне игнорировать всплески неадекватности соседа по клетке. – Мы на Ганзе, на Проспекте Мира радиальной. Точнее – в переходе с нее на кольцевую. Здесь время от времени проводятся закрытые торги рабами.

Ганза, Ганза... Марк лихорадочно порылся в памяти, ища информацию. Точно – государство в Большом метро, самое богатое и могущественное. Находится на Кольцевой линии, но владеет также и некоторыми смежными радиальными станциями...

Внезапно скавен заметил, что выглядит как-то странно и непривычно. До этого у него не было времени осмотреть себя, а вот теперь... Ну, явно же что-то не так...

Результат немедленно проведенного им самоосмотра был неутешительным. Неведомые пленители оставили на нем только штаны и ботинки. Все остальное – прочая одежда, вещмешок, снаряжение и, главное, оружие – испарилось, как будто его и не было. Невольно переведя взгляд на соседа, скавен увидел, что и тот не отличался от него богатством и разнообразием гардероба. Сильно обтрепанные на швах, с прорехами и вылезшими нитками, заношенные до грязно-сизого цвета джинсы и столь же «новые» тряпичные кеды на босу ногу с захватанными синтетическими веревочками вместо шнурков – вот и вся одежда. «Чистый» был худ, костляв и бледнокож – видимо, ни разу в жизни не бывал на поверхности и не видел дневного света. Ну, и физухой не занимался, дитя подземелий, сразу видно!

Скавен хотел пренебрежительно хмыкнуть, но что-то остановило его. Ведь он теперь был в том же положении, что и эта «бледная моль». В чужом месте, в незнакомых условиях, без оружия и почти без одежды, он чувствовал себя крайне неуютно... Ну да, действительно,

зачем продаваемым рабам одежда, и уж тем более – оружие? Если Марк хоть что-то понимал в данном вопросе, наслушавшись историй от взрослых, то в иные времена рабов на торгу могли вообще раздевать догола, чтобы повыгоднее показать их покупателям. А тут им хоть штаны оставили, и на этом, блин, спасибо!..

– А разве на Ганзе есть рабство? – невольно вырвалось у него.

Сосед опустил глаза. Вздыхнул.

– Нет, конечно. Ну... официально – нет. Понимаешь?

О'Хмара скрипнул зубами. Еще как понимает!

– А еще на Ганзе – очень строгий пропускной режим. Тут на каждом углу – охрана и проверка документов. Так что сбежать отсюда и правда невозможно, – с сожалением закончил русоволосый.

Марк неприязненно покосился на него, но, еще раз оглядев свое узилище и все, что находилось вокруг, вынужден был признать: да, смыться будет довольно проблематично!

Он, немного подумав, перебрался в другой угол клетки – подальше от разговорчивого соседа – и привычно, как после тренировки, уселся на пятки, положив ладони на колени. Первым делом нужно было успокоиться и разложить по полочкам полученную информацию. А уж потом – думать о планах спасения.

И главное – ни в коем случае не паниковать! Не показывать всем этим «чистым» своего страха. Ведь он – алтуфьевец! Марк, сын Хмары, охотник и воин! Скавен! Мужчина, в конце концов!

Раз... и два... Вдох... и выдох. Спокойно, О'Хмара! Спокойно. Спокойно...

Итак, кое-что прояснилось. Он – в Большом метро, да не где-нибудь, а на станции, принадлежащей Ганзе! Да еще и в качестве раба, товара! Нечего сказать, завидное положение!

Но как же он все-таки попал сюда?

Ответ в данном случае можно было получить только из одного источника.

Марк открыл глаза и повернулся к соседу. Тот вскинул на него вопросительно-ожидаящий взгляд.

– Как я сюда попал? – задал скавен мучающий его вопрос. – Ты видел?

– Да. Тебя принесли сюда спящего. Какой-то тип с повадками торговца и его подручный, который тащил тебя на плече вниз головой. Насколько я понял из их разговоров с хозяином... ну, с тем хмырем, который тут всем распоряжается, – парнишка кивнул куда-то в сторону самого большого скопления зевак, – притащили тебя аж с самой поверхности. И захватили где-то чуть ли не вообще в пригороде. Тот тип еще говорил, что пришлось усыпить тебя, а уж потом брать в плен. И...

– Стоп! – Марк поднял ладонь, и русоволосый послушно умолк. – Усыпить?.. Я отлично помню, что заснул по пути домой, но я думал, это от усталости...

Сосед с сожалением покачал головой.

– Тебе, видимо, незнакомы уловки охотников на людей. Они запросто могут подсыпать тебе в еду или питье какую-нибудь гадость, чтобы потом выкрасть одурманенную жертву без лишнего шума и сложностей... Скажи, ты что-то пил или ел перед тем, как заснуть?

– Ну, в харчевне на... Но мне там точно никто ничего не подсыпал. Максимыч бы не стал, это точно, ему бы потом от наших...

Тут в голове Марка блеснула ошеломляющая и страшная догадка.

– Так... погоди, – он постарался успокоиться и говорить ровно и без лихорадочной спешки. – Как выглядел тот тип, что притащил меня сюда?

– Ну... – паренек нахмурил брови, силясь вспомнить. – Такой невысокий, на вид добродушный, очень болтливый... Словами так и сыпал, хозяин не успевал отвечать. Руками много размахивал. А на одной руке блестело что-то. Кольцо какое-то.

– Кольцо? Перстень, ты хочешь сказать?

– Ну, перстень... – «чистый» покладисто кивнул. – Я в этом не разбираюсь. Что-то такое серебристое, с какой-то фигней типа когтя...

Все встало на свои места. Марк снова и так же отчетливо, будто это случилось только что, увидел, как хватает его руку, якобы, для рукопожатия, тот караванщик на фактории, как сжимает ее, трясет. Как он, Марк, пытается выдернуть кисть из захвата... и оцарапывается об острый выступ перстня на пальце торговца. Как слизывает кровь с пораненной ладони...

– Ты... что-то вспомнил? – осторожно и участливо поинтересовался «чистый».

О'Хмара посмотрел на ладонь. Длинная и глубокая царапина никуда не девалась.

С-су-у-ука!..

– Он отравил меня с помощью своего перстня! – скавен резким движением показал ладонь соседу. – Не знаю, каким зельем он у него был смазан, но отрубился я довольно быстро. Ч-черт, а я-то думал... И ведь как чувствовал, что с этим что-то не так...

Скавен едва снова не заметался по клетке. На этот раз – от негодования и ярости.

«Чистый» с сочувствием следил за ним.

– Мне очень жаль, что с тобой такое случилось, – проговорил он. – Правда, жаль. Если бы я как-то мог помочь тебе... но...

– Не смей меня жалеть, понял?! – рявкнул, выплескивая накопившуюся злость, досаду и страх, алтуфьевец. – И не надо мне ничем помогать! Я... я сам справлюсь!

Парнишка закусил губу и опустил глаза.

– Как скажешь... – прошелестел он. – Извини.

Скавен сверкнул в его сторону глазами и резким движением опустил на пол в своем углу. Его уже слегка потряхивало.

«Успокойся, О'Хмара! Слышишь?! Успокойся, черт тебя дери! Не время для нервов!»

Душевное равновесие, надо сказать, возвращалось с огромным трудом. Снова и снова Марк обращался к недавним событиям, прокручивая в памяти мельчайшие подробности.

«Тот торгош еще жаловался всем, что сильно потратился на зеленоградском кордоне. Что его там чуть ли не обобрали до нитки. Уж не задумал ли он еще тогда, в харчевне, похитить меня, чтобы продать и возместить убытки? Иначе для чего было все это представление с хвалебными песнями?»

Несмотря на юный возраст, Марк был довольно умным парнем. И о многом уже имел представление. Так что, сложив одно с другим, быстро убедился, что так оно, скорее всего, и было. Его похитили, чтобы использовать как разменный патрон!

Хотелось выть, рычать и плакать одновременно. Прежде всего от досады и бессильной ярости: надо же было так по-дурацки вляпаться!

Скавен тут же поклялся самому себе с этого момента не доверять «чистым», что бы они ему ни говорили и чего бы ни сулили. Хватит! Уже попался, забыв, как глупый малолеток, что все беды его народа шли от них, от «чистых»!

У-у-у, ненавистное племя!

Представитель «ненавистного племени» с непонятным выражением лица смотрел на него из соседнего угла. Но с разговорами на этот раз не лез. Видимо, понял, что чревато.

Так, в тяжелом молчании, прошло около часа. За это время Марк успел более-менее прийти в себя, а заодно – как следует разглядеть зал, где располагался торг. Точнее – ту его часть, что была доступна взгляду.

Слева от их клетки ныряли в полумрак четыре неподвижных эскалатора. Над ними белела табличка с надписями – указатель перехода к поездам с названиями станций. Из темного провала, куда уходили нижние ступени ныне мертвых «лестниц-чудесниц», до скавена доносились неумолчный ровный шум и запахи, характерные для огромного, уже много лет как обжитого людьми помещения.

По правую сторону зал разветвлялся на два хода, ведущих, вероятно, на какую-то другую станцию. Между ними торчала пристроенная прямо к разделяющей стене собранная из желтых щитов будка с серой дверью. Со своего места Марку была видна в одном из ходов низкая круглая полуарка с украшенными бронзовыми узорными накладками перилами. Сквозь перила снизу сочился яркий свет и слышался все тот же шум людского поселения.

Сопоставив все имеющиеся у него разрозненные сведения, Марк пришел к выводу, что находится он не просто на Проспекте Мира радиальной, а в переходе с нее на одноименную кольцевую. Оптимизма ему это, естественно, не добавило. Ладно бы хоть Менделеевская или пусть даже Новослободская – там хоть родная Серая ветка, и, может быть...

Движение снаружи клетки отвлекло скавена от напряженных размышлений. Дюжий охранник с увесистой плетью за поясом принес юным узникам две миски какого-то неаппетитного на вид варева.

– Хавка! – бросил он, просовывая миски в самый нижний проем между прутьями.

Сосед Марка тут же подхватился, принял обе емкости и осторожно поставил на пол.

– Спасибо, господин... – услышал скавен (естественно, не сдвинувшийся с места), и от этого обращения – «господин» – его аж передернуло.

Охранник ушел. А «чистый» повернулся к скавену.

– Держи, – сказал он, придвигая к нему одну из мисок.

В следующий момент миска едва не полетела в сторону, а варево щедрой плюхой выплеснулось на пол. Русоволосый невольно вскрикнул, отшатываясь.

– Я. Не буду. Это. Есть! – отдельно отчеканил алтуфьевец, глядя в глаза не в меру заботливому соседу бешеным взглядом. – Хочешь – сам жри!.. «Спасибо, господин!» – злобно передразнил он. – Еще в ноги ему бухнись и ботинки вылижи! Девчонка! Что, нравится вот так стелиться перед всякими козлами, да?!

Парнишка дернулся, словно от удара. Лицо его – действительно чистое и миловидное, словно у девушки – пошло неровными алыми пятнами и на миг перекосилось в разрушившей всю гармоничность его черт гримасе лютой ненависти и чего-то еще, что не поддавалось идентификации. Он закусил губу и низко-низко опустил голову.

Но не успел Марк удивиться такой странной и бурной реакции, как русоволосый поднял голову и разжал стиснутые кулаки. На его лице больше не было прежней дружелюбной и чуть печальной полуулыбки – наоборот, губы его теперь были сжаты в тонкую злую линию. «Чистый» поднял взгляд, и в глазах его зыбко и страшно колыхнулась ледяная зимняя вода.

Как в полынье, внезапно разверзшейся под ногами.

– Меня зовут Костя, – четко, жестко и как-то удивительно спокойно произнес он. – И я – не девчонка. Не хочешь есть – твое личное дело. Но здесь за непокорность обычно бьют. Имей это в виду.

И, больше не сказав ни слова, убрался в свой угол и затих.

О'Хмара, распахнув глаза на пол-лица, с изумлением воззрился на соседа, как на чудюдо какое-то. Он никак не ожидал от него этой внезапной жесткости! Мельком даже подумалось, что этот бледный красавчик... Костя, да... пожалуй, не так-то прост и однозначен, как кажется с первого взгляда...

И еще подумалось: кажется, он не на шутку обидел этого, в общем-то, не виновного в его бедах парня. Который все это время, наоборот, даже как-то старался помочь ему, поддержать. А он...

От осознания собственного, прямо сказать, не слишком благовидного поступка Марка бросило в жар. Стало очень стыдно и неудобно. Нет, отец бы такого точно не одобрил!

Скавен чуть кашлянул, привлекая внимание соседа. Однако тот, как сидел, уткнувшись лицом в колени, так и остался сидеть. Словно неживой.

– Ты это... – Марк облизнул губы и снова кашлянул, прочищая внезапно осипшее горло. Признание в собственной подлости давалось с трудом, но сейчас оно было нужно, он понимал это. – Ты меня... извини... Пожалуйста.

Костя медленно поднял голову, и Марк увидел мелькнувшее в его глазах (совершенно сухих, словно и не оскорбляли его только что) удивление.

– Да ничего, – помолчав, ровно сказал он. – Я привык, что меня так называют. Забей.

«Что значит – привык? – в свою очередь, удивился Марк. – Хотя да, с такой физиономией...»

Додумать эту мысль ему не дали. У клетки остановились несколько зевак и принялись глазеть на них, переговариваясь и бесцеремонно тыча пальцами.

Марк внутренне ошетинился и напрягся. Неужели... пришло время?..

– Гляньте-ка – мутант!!! – воскликнул один из зевак, показывая на него. – Откуда?

– Вы не поверите! – ответил ему мужик с нездоровой полнотой и с невымытыми, какими-то даже сальными волосами («сальный боров» – тут же придумал ему кличку О'Хмара). – Доставили аж с самой поверхности! И не откуда-нибудь, а из пригорода! Я сперва не хотел его брать, но вовремя вспомнил, что у нас в метро найдется немало любителей экзотики. Опять же, сгодится для всяких экстремальных развлечений... В самом деле, вы только полюбуйтесь, какой превосходный экземпляр! Какое телосложение, какие мускулы! И ведь совсем еще молодой!

– Он опасен? – задал вопрос другой посетитель. – Почему его посадили к нормальному пацану? Или тот тоже мутант?

– Ну что вы! – протянул «сальный». Марк сообразил, что это, должно быть, и есть тот самый хозяин, про которого ему говорил недавно Костя. – Самый настоящий чистокровный человек! А мутанта я к нему посадил... ну, не к девкам же его сажать! – работарговец хмыкнул, кивая на соседнюю клетку. – Не сожрет – так перепортит, мне оно надо?

Компания заржала над сальной, как волосы торговца, шуточкой и, еще немного постояв и поглазев на мутанта в клетке, пошла прочь, перебрасываясь смешками и какими-то своими остротами. Вслед за ними, зачем-то погрозив юным пленникам кулаком, поспешил торговец.

Марк тайком выдохнул и разжал кулаки.

– Постарайся не обращать на них внимания, – раздался негромкий и по-прежнему ровный голос Кости. – Иначе только изведешься попусту. А там и до срыва недалеко. А это в нашем положении опасно! – он показал глазами на прохаживающегося по залу охранника с плеткой.

– Чего ты меня поучаешь? – все еще недружелюбно пробурчал скавен. – Какое тебе до меня дело?

– Ну... – Костя пожал плечами. – Наверное, никакого, но я же вижу, как тебя... корежит. Впервые попал в рабство, да? – не дождавшись ответа, он кивнул сам себе. – Впервые. Видно по твоему поведению. Знаешь, если мои советы... я понимаю, что ты в них не нуждаешься, но все-таки... так вот, если мои советы могут хоть как-то помочь тебе переносить все это, то я бы посоветовал тебе успокоиться и не дергаться. От нас тут все равно сейчас ничего не зависит. А изображать злобного и опасного мутанта – честно говоря, не лучший выход. Дождешься только того, что покорность в тебя начнут вколачивать. В самом прямом смысле. Тебе это надо?

Марк строптиво повел плечом. Где-то внутри он понимал, что этот на удивление рассудительный парень прав. Но вот признаться в этом – хотя бы даже самому себе – у алтуфьевца пока не получалось.

– А я и есть злобный и опасный мутант! – прошипел он, хищно скрючивая пальцы наподобие когтей. – ОЧЕНЬ опасный! И я ненавижу «чистых» – таких, как ты и вот эти!.. – он мотнул головой, указывая на всех присутствующих. – Почему ты меня не боишься?

Костя кинул на него странный взгляд.

– А должен? – спокойно осведомился он.

Глаза скавена – и без того кажущиеся огромными за счет их сплошной черноты – в очередной раз распахнулись на пол-лица.

Глава 10. Юные саботажники

Зеваки подходили к клетке, толпились, разглядывая пленника-мутанта, отпускали бесцеремонные и оскорбительные комментарии, кто-то даже попытался ткнуть его палкой – хорошо, охранник увидел и предупредительно попросил «господ посетителей торгов» не портить товар. Наконец, к вящему облегчению скавена, толпа любопытных, натешившись зрелищем, рассосалась. Можно было слегка выдохнуть.

Мрачный, злой и порядком выбитый из колеи, О'Хмара сидел в углу клетки прямо под донельзя издевательской надписью на припаянной к решетке табличке «Прохода нет» и пытался привести в порядок хаотично мечущиеся в голове мысли и спонтанные идеи, как отсюда выбраться. Ему совсем не было дела ни до соседа, потихоньку возобновившего осторожные попытки наладить с ним контакт, ни до работаровца, ни даже до всех этих праздных бездельников, что глазели на него, как раньше глазели бы на зверя в зоопарке.

– Может, все-таки поешь немного? – на плечо легла бледная ладонь. Марк раздраженно отмахнулся и едва не вышиб из руки Кости зажатую в ней миску с баландой. Тот со стоическим вздохом слизнул с пальцев попавшие на них капельки плеснувшего варева. Но вместо того, чтобы снова оставить соседа по клетке в покое, свалить в свой угол и не отсвечивать, «чистый» сел неподалеку, отставив миску. – Глупо, – вдруг решительно сказал он. – Ты ведешь себя крайне глупо!

– Это еще почему? – ощерился скавен.

Костя улыбнулся. Это была улыбка не по годам взрослого, мудрого и много повидавшего, но смертельно уставшего от приключений и несносных выходов окружающих человека.

– Я не знаю обычаев вашей... вашего племени – тех, что приняты на твоей станции... или где ты там еще живешь, – начал он. – Но, судя по твоему виду, речам и поступкам, ты наверняка думаешь, что для такого, как ты, будет неизгладимым позором принять пищу врага, держащего тебя в плену и собирающегося продать, как вещь. Я прав?

Он, конечно же, был прав, вот только гордость и упрямство не давали Марку признать эту правоту.

– Прав, – заключил «чистый», совершенно безошибочно истолковав его упорное молчание. И неторопливо продолжил: – А еще, я так думаю, ты выжидаешь удобный момент, чтобы свалить отсюда и вернуть себе свободу. Так?

Марк резко переменил позу и подозрительно воззрился на назойливого соседа:

– Ты что, мысли читать умеешь? – пробурчал он, про себя удивляясь, как же быстро этот бледный красавчик раскусил его. И уже в который раз!

Новая улыбка осветила худое лицо Кости и сделала его еще красивее.

– Не умею, конечно же. Просто они очень ясно написаны на твоём лице. Ну, и ведешь ты себя соответствующе. Но ты лучше вот над чем подумай, – Костя вдруг осторожно огляделся и понизил голос. – Для побега или хотя бы сопротивления тебе понадобятся силы. А откуда ты их возьмешь, если будешь морить себя голодом? Конечно, этой буре далеко до нормальной еды, но ведь и это – хоть что-то! И потом... – паренек остановился и лукаво сощурился. – Разве трудности не закаляют мужской характер?

Несколько секунд скавен смотрел на «чистого», а потом... прыснул и расхохотался так, что привлек внимание надсмотрщика. Тот молча погрозил мальчишкам пудовым кулаком: мол, глядите у меня!

Алтуфьевец немедленно заткнулся, но некоторое время продолжал давиться смехом. Его сосед с легкой вежливой улыбкой ждал, пока его отпустит.

Наконец Марк справился с собой.

– А ловко ты меня... подкусил! – вынужден был признать он. – Действительно, как я про силы-то не подумал? Ладно, давай сюда эту свою бурду!

Костя тихо и с облегчением засмеялся и с готовностью передал ему миску.

– Остыло уже... И часть ты уже пролил на пол.

– Пофиг! – с уже набитым ртом пробурчал набросившийся на содержимое посуды юный мутант. – Сам сказал, что трудности закаляют мужской характер! Вот и буду закалять!

– Приятного аппетита!

В ответ раздалось только невнятное ворчание проголодавшегося скавена.

Марк выхлебал все, что было в миске, и даже вычистил ее с помощью пальцев, которые потом незатейливо облизал и вытер о штаны.

– Что? – заметил он взгляд соседа.

Тот вспыхнул и отвел глаза.

– Извини... просто ты так... оригинально ешь...

– Еще скажи, что я жру, как грязная мутантская скотина!

Костя странно посмотрел на снова ощетинившегося соседа.

– Не скажу, – тихо, но твердо возразил он. – Я же понимаю... Будь я таким голодным – тоже забыл бы о всяких там манерах.

Марк ощутил, как в груди слева что-то защемило, а щекам стало жарковато.

– Ну, ложек же нам не выдали... – смущенно пробурчал он и отвернулся.

И снова – ощущение лежащей на плече ладони. Но на этот раз стряхивать ее почему-то не хотелось.

– Я очень рад, что ты решил проявить благоразумие, – искренне сказал Костя. – Не делай больше глупостей, хорошо?

– Ладно... – все еще чувствуя смущение, буркнул скавен и отвернулся, делая вид, что его очень интересует окружающая обстановка. – Как ты думаешь, куда нас могут продать? – вдруг спросил он немного погодя.

Из подслушанных слов торговца людьми Марк сделал вывод, что они с этим странным и не по-детски рассудительным пареньком из «чистых» являются чуть ли не самыми ценными здесь рабами. Костя был просто бессовестно хорош собой, и хозяин, потирая руки, все приговаривал, как же ему повезло заполучить такого красавчика, за которого он непременно сорвет жирный куш с какого-нибудь «богатенького буратины».

Что касается Марка, то в его адрес уже несколько раз звучало: «Мутант, экзотический раб, на любителя – но тоже, в принципе, симпатичный!». Ни красивым, ни даже симпатичным юный скавен себя никогда не считал (да ему и дела до этого не было – что он, девчонка, что ли?), но уж очень ему не нравилось, как его тут называли! Марк не знал значения слова «экзотика», но интуитивно чувствовал, что ничем хорошим оно ему, чужаку и мутанту, в этих краях не маякнется.

– Могут в прислуги какому-нибудь богатею или в большой трактир, еду клиентам разносить, – почему-то не сразу отозвался Костя. – Мы ведь не каждому по карману, покупать нас для черной работы – глупая трата патронов. К тому же, как я уже говорил тебе, на Ганзе рабства официально нет. Хотя неофициально... Здесь его предпочитают не афишировать и маскировать другими, более легальными и благовидными вывесками – блюдут, так сказать, морду лица перед соседями... Этот рынок, к примеру – почти тайный. О его существовании мало кому известно, а торги происходят по предварительному уведомлению всех посвященных. Видишь всех этих типов? – Костя кивнул на фланирующих по залу зевак. – Ни одного случайного лица среди них нет. Да случайных сюда охрана станции и не пустит... – он помолчал, а потом продолжил: – Еще нас могут купить для какой-нибудь развлекательной арены или для так называемых Полигона и Вольеров. Там вечно требуется услуга и смена тем, кто уже... отработал свое. Обычно туда нанимаются свободные – платят там неплохо,

но хозяева и рабами не брезгают, а также приговоренными преступниками. Но, правда, и абы кого туда тоже не покупают.

– О какой арене ты говоришь? У вас тут что, даже цирк есть?

– Да при чем тут цирк?.. – поморщился Костя. – Хотя это было бы неплохим вариантом!.. Я про арену для боевых состязаний, где специально обученные люди сражаются между собой. И со всякими зверями и му... монстрами, – поправился он. – Слышал о гладиаторах?

– Нет. Но я понял, о чем ты говоришь, – Марк задумался. Губы его невольно сложились в упрямую линию. – Я бы все же не хотел, чтоб нас отправили на арену, – наконец сказал он. – Ни на боевую, ни тем более – на цирковую! Быть потехой для толпы? Ни за что! Я охотник, а не клоун!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.